

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра прикладной лингвистики

Yasemin Gürsöy

Гюрсой Ясемин

Русская и турецкая словообразовательные системы в
сопоставительном аспекте
(на материале функционирования производных имен
существительных в рассказах В. Токаревой и М. Буйрукчу)

Диссертация на соискание степени магистра филологии

по специальности 1 – 21 80 11 языкознание

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Головня А. И.

Рецензент
кандидат технических наук,
доцент Елисеева О. Е.

Работа допущена к защите 8.06.11 заведующий кафедрой Гербик Л. Ф.

Гербик

Минск 2011

Yasemin Gürsöy

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Элементы словообразовательной системы как объекты лингвистического анализа.....	11
1.1 Единицы словообразовательной системы русского языка.....	11
1.2 Особенности турецкой словообразовательной системы.....	16
1.2.1 Морфологический способ словообразования.....	17
1.2.1.1 Аффиксы, прибавляемые к именам в турецком языке.....	18
1.2.1.2 Аффиксы, прибавляемые к глаголам в турецком языке.....	20
1.2.2 Синтаксико-морфологический способ словообразования в турецком языке.....	22
1.2.3 Лексико-синтаксико-морфологический способ словообразования в турецком языке.....	23
1.2.4 Калькирование в турецком языке.....	24
Выводы по главе 1.....	25
Глава 2. Структурно-семантическая классификация производных имен существительных.....	26
2.1 Производные имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением.....	27
2.1.1 Модель образования: глагол → существительное.....	27
2.1.2 Модель образования: прилагательное → существительное.....	28
2.2 Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением.....	30
2.2.1 Модель образования: глагол → существительное.....	30
2.2.2 Модель образования: прилагательное → существительное.....	33
2.2.3 Модель образования: существительное → существительное.....	34
2.2.4 Модели образования: числительное → существительное, местоимение → существительное, наречие → существительное.....	36
2.3 Производные имена существительные с модификационным словообразовательным значением.....	39
2.3.1 Модель образования: существительное → существительное.....	39
2.4 Производные имена существительные с синтагматическим словообразовательным значением.....	41
Выводы по главе 2.....	42
Глава 3. Textoобразующие возможности производных имен существительных в русском и турецком языках.....	44
3.1 Синтагматические связи производных слов, представленные в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу.....	44

3.1.1 Бинарные словообразовательные цепочки в рассказах В. С. Токаревой.....	45
3.1.2 Полинарные словообразовательные цепочки в рассказах В. С. Токаревой.....	56
3.1.3 Бинарные словообразовательные цепочки, представленные в рассказе М. Буйрукчу.....	57
3.2 Парадигматические связи производных слов, отмеченное в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу.....	59
3.2.1 Взаимодействие производящего и производного слова, представленное на уровне словообразовательной парадигмы.....	59
3.2.2 Взаимодействие производящего и производного слова, представленное на уровне словообразовательного гнезда.....	63
Выводы по главе 3.....	65
Заключение.....	67
Библиографический список.....	73
Приложение №1 Производные имена существительные, представленные в рассказах В. С. Токаревой.....	80
Приложение №2 Производные имена существительные, представленные в рассказе М. Буйрукчу.....	89
Приложение №3 Производные имена существительные и их производящие, представленные в рассказах В. С. Токаревой.....	94
Приложение №4 Производные имена существительные, их производящие слова и переводы производных имен существительных с турецкого языка на русский, представленные в рассказе М. Буйрукчу.....	117

Введение

На протяжении довольно долгого времени вопросы словообразования рассматривались в различных аспектах. Накопленные в лингвистической теории сведения о производных словах отличаются широтой и разнообразием подходов. Необходимость и целесообразность их изучения отмечалась многими лингвистами. В последнее время исследователи перешли к обобщению и систематизации знаний о производных словах и изучению вопросов их непосредственного функционирования в тексте. Этим вопросом занимались В. Н. Головин, О. П. Ермакова, Л. Б. Коржева, И. С. Улуканов, Н. М. Шанский, Н. Н. Клеменцова и другие ученые.

Во многих языках мира производные слова образуют существенную часть их словарного состава, причем часть наиболее изменчивую, гибкую, подвижную, обладающую рядом специфических свойств. Производное слово является исходным понятием словообразования. Современную лингвистику в первую очередь интересуют следующие вопросы, связанные с изучением производных слов: 1) какие семантические группы слов активно пополняются производными словами; 2) каков вклад производных слов в развитии номинативной системы языка; 3) какие функции выполняет производное слово в языке и речи; 4) какие психолингвистические механизмы задействованы в образовании и функционировании производных слов. Решение данных вопросов возможно в нескольких направлениях, в результате чего выделяются словообразовательный, ономаσιологический, функционально-коммуникативный и психолингвистический аспекты изучения производных слов.

В **словообразовательном аспекте** производное слово исследуется в направлении от производного к производящему, при этом выявляется словообразовательная модель (тип, схема), по которой образовано слово, устанавливается способ его образования, регулярность модели. В рамках данного аспекта разграничение слов на узуальные и незузуальные происходит с учетом понятия продуктивности. С конца 80-х годов XX в. в рамках словообразовательного аспекта возрос интерес к изучению незузуальных слов, о чем свидетельствуют работы Е. А. Земской, М. А. Бакиной, Е. А. Семенец и т.д. Исследователями подробно рассматривались лексические и словообразовательные свойства новообразований и их культурно-речевая характеристика. Кроме того, в рамках данного аспекта рассматривается образование производных слов (И. С. Улуканов), словообразовательный потенциал слов определенных частей речи (Е. А. Земская, Т. Х. Каде). В рамках изучения образования незузуальных слов исследователями (Е. А. Земская,

И. С. Улукханов) разграничиваются способы образования с помощью обычных словообразовательных средств при нарушении законов их действия и специфические способы (междусловное наложение, контаминация, слияние, словообразовательный куст, высвобождение аффиксов или других частей слова, псевдочленение, редеривация, повтор, субституция морфем, анаграмма).

Ономасиологический подход близок к словообразовательному и пользуется его методикой. «В целом словообразование как наука изучает не процесс образования слов, а результат этого процесса; ономасиология, в отличие от словообразования, изучает сам процесс возникновения лексической единицы» [36, с. 33]. В рамках этого подхода в работах О. А. Габинской, М. А. Бакиной, Р. Ю. Намитоковой изучаются причины возникновения слов, в частности окказиональных. При исследовании причин образования новых слов выявляется соотношение между содержательной стороной слова и материальным ее воплощением. «Всякая номинация есть, прежде всего, лишь техника, но эта техника имеет разную основу и осуществляется в различных условиях. Поэтому учет различных факторов является нам крайне необходимым» [15, с. 5].

На современном этапе развития лингвистики усиливается значение **функционально-коммуникативного подхода** к единицам различных уровней языка. В словообразовании происходит «переход от изучения внутренней организации словообразовательных систем к исследованию функций словообразовательных средств в конкретных актах коммуникации» [6, с. 3]. Коммуникативный аспект в изучении производных слов наиболее полно представлен в работах Д. У. Ашуровой и Е. А. Земской.

В рамках данного аспекта лингвисты рассматривают проблему соотношения словообразования и текста: исследуется функция уже созданных слов в речевой цепи, их взаимодействие с контекстом. В рамках функционального аспекта анализируется связь словообразования и синтаксиса (Е. А. Гинзбург, К. Шабуришвили), стилистическое использование производных слов в тексте (В. Н. Виноградова), функции словообразовательного механизма языка в построении текста и влияние текстового окружения на семантику и функционирование производных слов (Е. А. Земская, С. А. Глазырина, О. И. Блинова).

Так, К. Шабуришвили считает, что «вопрос о влиянии контекста на отдельную лексему, на актуализацию ее отдельных значений, а также на формирование фразы, в которую она входит, не может быть решен без анализа всей системы порождения речевого высказывания и отдельных аспектов проблем номинации» [89, с. 7]. В производном слове, как считает

К. Шабуришвили, есть, как и в предложении, свой синтаксис. Он рассматривает соотносительность сложных слов с синтаксической конструкцией.

В. Н. Виноградова утверждает, что средствами словообразования можно выразить два вида стилистической окраски языковых явлений: собственно-эмоциональной и социальной. Применительно к словообразованию изучение этих аспектов обозначает исследование функций стилистической и эмоциональной окраски словообразовательных моделей и стилистических особенностей их использования в тексте.

Иная точка зрения на изучение производных слов в тексте наблюдается у Е. А. Земской. Она исходит из следующих положений:

1) Словообразование выполняет в тексте различные функции (номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную, стилистическую);

2) Текст служит средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма;

3) При рассмотрении того, как производное слово создается в речевом акте, особенно ярко виден деятельностный характер словообразования: создание в процессе речевого акта производных слов от данных в предтексте базовых; использование в одном тексте одноструктурных образований от разных основ; построение слов, несущих одно и то же деривационное значение; выявление внутренней формы слова; семантическое противопоставление однокоренных слов или паронимов [39, с. 167 – 168].

Иначе подходят к проблеме производного слова и текста О. И. Блинова и С. А. Глазырина и в своих работах исследуют текстообразующие функции мотивационно связанных слов и словообразовательного повтора. В своем исследовании «Стилистические и текстообразующие функции повтора словообразовательных единиц» [21] С. А. Глазырина исходит из следующих положений: основная функция словообразовательного повтора – создание связности текста и его информативности. В создании данных категорий текста принимают участие все типы словообразовательного повтора (аффиксальный, корневой, повтор компонентов сложного слова; дистантный, контактный, прерывисто-контактный), причем ведущая роль принадлежит корневому повтору.

О. И. Блинова отмечает три основные функции слов, связанных лексической и структурной мотивацией: коммуникативную, эстетическую и экспрессивную. Структурная мотивированность, по О. И. Блиновой, это «результат мотивации данного слова одноструктурной лексической единицей» [9, с. 16]. Под лексической мотивированностью она понимает «результат мотивации данного слова однокорневой лексической единицей» [9, с. 16].

Психолингвистический аспект в словообразовании связан с попытками анализа проблем образования и функционирования производных слов. В рамках данного подхода производное слово рассматривается как разновидность коммуникативной номинации. Этот подход представлен в работах Л. В. Сахарного «Словообразование в речевой деятельности», «Психолингвистический аспект теории словообразования» [69, 70].

Множество работ, появившихся в лингвистике за последние 20 лет и посвященных проблеме словообразования и текста, подтверждают общую коммуникативную направленность исследований производного слова и актуальность данной проблемы. Однако, при наличии теоретических работ, практически отсутствуют исследования, которые показывали бы взаимосвязь и взаимовлияние словообразования и текста на примере конкретного художественного произведения. Каковы закономерности использования автором производных слов для построения своей индивидуально-художественной реальности? Как текст произведения актуализирует различные стороны производного слова? Эти вопросы современной лингвистики требуют разрешения, и ответы на них могут дать лишь исследования конкретных авторских текстов. Этим определяется *актуальность* нашего *исследования* производных узуальных имен существительных в рассказах В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость» и «Этот лучший из миров», а также в рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*). В данной работе предпринимается попытка анализа в функциональном аспекте словообразования имён существительных в русском и турецком языках, что позволяет по-новому интерпретировать словообразовательные процессы и единицы языка с учётом именно национально-языкового своеобразие и отражения его в тех моделях, по которым осуществляется образование новых слов. Также стоит отметить, что творчество указанных авторов изучалось в основном с литературно-критической и литературоведческой сторон, а в языковом плане данные произведения вообще не исследовались.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые осуществлена попытка комплексного анализа функционирования производных слов в текстах русского и турецкого языков; проанализирован механизм восприятия производного слова в условиях максимальной эксплицитности словообразовательного контекста комментирующего типа. Существительные русского и турецкого языков в данной работе классифицируются с учётом структурно-семантических особенностей с опорой на функции языка.

Объектом нашего исследования явились узуальные производные имена существительные, представленные в названных выше рассказах В. С. Токаревой и рассказе М. Буйрукчу.

Предмет предпринятого исследования составляют особенности семантики и функционирования узуальных производных имён существительных в рассказах В. С. Токаревой и рассказе М. Буйрукчу, а также структурная и семантическая организация указанных текстов.

Анализируя роль производных имен существительных в идиостиле указанных писателей, мы исходим из следующих **положений**:

1. Производные имена существительные занимают важное место в составе морфологических ресурсов русского и турецкого языков. Они заключают в себе предметные значения, без которых нельзя выразить мысль, а значит, и невозможно представить художественный мир автора;

2. Любая производная единица не только усложняет семантическое пространство текста, но и участвует в семантическом сжатии пропозиции, стилистической модификации наименований, в выражении объективных и субъективно-оценочных смыслов, в построении художественного мира автора;

3. Словообразовательный потенциал языка представляет собой организованную на основе принципа системного восполнения саморазвивающуюся целостность, компоненты которой тесно связаны со всей системой языка. Производные слова несут на себе свойства системы языка в целом, что позволяет говорить о различной функциональной направленности словообразовательного процесса и реализации различных функций языка в рамках словообразовательных моделей и типов, что в конечном счёте предопределяет функциональную динамичность дериватов в русском и турецком языках;

4. Функциональное словообразование обнаруживается преимущественно в сфере производства имён существительных, так как существительное — наиболее номинативная часть речи. Однако при сопоставлении различных языков, в данном случае турецкого и русского, обнаруживается, что номинативное словообразование проявляется в языках в разной степени.

5. В словообразовании «проявляются все функции языка и их рассмотрение позволяет дифференцировать словообразовательные процессы» [16, с. 6].

Основная **цель** нашей работы — выявить роль производных имен существительных в организации индивидуально-художественных картин мира в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу, проследить отражение национально-языковой специфики механизма создания производного слова на примере номинализации как типичного случая возникновения производных имён в

русском и турецком языках, а также изучить текстообразующие функции производных слов в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу и определить зависимость выбора производных единиц от индивидуальных характеристик героев, представленных в рассказах данных авторов в русском и турецком языках в сопоставительном аспекте.

Поставленная цель предполагает решение ряда *задач*:

- 1) определить круг производных имен существительных в идиостилях В. С. Токаревой и М. Буйрукчу, представить их структурно-семантическую классификацию;
- 2) распределить производные имена существительные по лексическим полям и лексико-семантическим группам;
- 3) выявить механизмы функционирования производных имен существительных в тексте, определить роль мотивационно связанных слов;
- 4) охарактеризовать специфику авторского использования производных имен существительных в русском и турецком контекстах;
- 5) выявить специфику коннотативного аспекта восприятия и использования производного слова в турецком и русском текстах.

Для решения поставленных целей и задач мы использовали различные *методы* исследования: дистрибутивный, аналитический, статистический, описательный. Сочетаясь с общенаучным приемом наблюдения, они являются основными. При этом осуществлялся подход с опорой на теоретические и методологические положения, принятые в каждом сравниваемом языке в отдельности.

Материал для исследования получен в результате сплошной выборки производных имен существительных из рассказов В. С. Токаревой (Токарева В. С. Этот лучший из миров : [рассказы] / Виктория Токарева. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. – 316 с.) и рассказа М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gece» (*Темная половина лица*) (Buyrukçu Muzaffer. Yüzün Yarısı Gece / Muzaffer Buyrukçu. – Ankara : Bilgi, 1994. – 249 s.).

Всего собрана и проанализирована 1491 языковая единица (957 производных имен существительных, которые были отобраны методом сплошной выборки из рассказов В. С. Токаревой и 534 производных лексемы найдено в рассказе М. Буйрукчу).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав в основной части, заключения, списка литературы и приложения, содержащего восемь таблиц.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, формулируются цель и задачи работы, определяются предмет, объект и методы исследования, формулируются положения, выносимые на

защиту, дается краткий обзор литературы, посвященной вопросам изучения производного словаря.

В первой главе «Элементы словообразовательной системы как объекты лингвистического анализа» излагаются теоретические положения, в русле которых проведён анализ фактического материала. Одновременно проводится обзор работ по проблематике исследования. Определяются понятие и структура словообразования, раскрывается содержание каждого из представленных словообразовательных понятий, даются различные виды определений словообразовательных единиц. Рассматривается специфика турецкой словообразовательной системы, монографически описывается система аффиксов турецкого языка.

Вторая глава «Структурно-семантическая классификация производных имен существительных» представляет собой структурно-семантическую классификацию языкового материала, в ней дан словообразовательный анализ русской и турецкой производной лексики.

В третьей главе «Текстообразующие возможности производных имен существительных» исследованы особенности функционирования производной лексики в рассказах В. С. Токаревой и в рассказе М. Буйрукчу, представленные на уровне реализации парадигматических и синтагматических связей производных слов в указанных текстах.

В заключении обобщаются основные положения работы, формулируются выводы, к которым мы пришли в ходе исследования. Завершает работу список использованных источников, который содержит 96 наименований. Общий объем работы без приложений составляет 79 страниц.

Глава 1

Элементы словообразовательной системы как объекты лингвистического анализа

«Этап формирования процессуальных представлений о языке связывается с признанием различных форм динамики языка в его истории и живом функционировании» [92, с. 8]. Признание же динамического характера лексики еще недавно ограничивалось рассмотрением языковых явлений в диахронии. В последнее время большое распространение получает деривационный план описания языка, при этом отмечается, что в деривационные отношения вовлекаются как одноуровневые, так и разноуровневые единицы. Постоянное глубокое внимание к различным сферам проявления данной тенденции в современной лингвистике определяет приоритетным изучение деривационного механизма, а также важнейшей составной части языка – значения, при этом установление связей и соответствий между основными сегментами деривационного плана описания языка является чрезвычайно важным.

1.1 Единицы словообразовательной системы русского языка

О месте словообразования в современной системе русского языка и его связях с остальными языковыми системами существовали различные мнения: его относили то к лексике, то к морфологии. Соответственно существовали различные мнения о месте словообразования как науки. В отдельную отрасль языкознания оно выделилось сравнительно недавно, хотя учение о словообразовании имеет длительную историю. Весомый вклад в развитие теории словообразовательной структуры слова внесли В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. А. Потебня, А. М. Пешковский, А. И. Соболевский, Л. В. Щерба и другие лингвисты. Многие вопросы теории словообразования в последнее время освещаются по-новому, в русле современных парадигм знания. Особенно активно изучаются проблемы, связанные с рассмотрением семантических процессов и анализом структуры слова. А. Н. Тихонов считает, что «живой интерес, проявляемый семасиологами и дериватологами к проблемам семантики, объясняется тем, что значение приводит в движение весь механизм словообразования, контролирует его работу, определяет особенности его функционирования, лежит в основе всех словообразовательных процессов» [78, с. 7].

Вследствие теснейшей связи лексики и словообразования, результатом словопроизводства является **производное слово** — основная единица словообразовательной системы русского языка. Чаще всего производные слова

обозначают многопризнаковые предметы, качества и процессы, при этом они составляют большую часть как активного, так и пассивного словаря. По словам Ю. С. Азарха, «мотивационная зависимость производного слова, или его смысловая производность — субъективная отражательная категория. Она определяется языковым сознанием. Выявление мотивационных связей слова важно для определения словообразовательной структуры производного» [2, с. 12].

Освещению проблем словообразовательной мотивации посвящены работы Е. А. Земской (1975; 1999), В. В. Лопатина (1975), И. С. Улуханова (1996) и других исследователей. Кроме того, существенный вклад в освещение данной темы внесла монография И. А. Ширшова «Теоретические проблемы гнездования» и ряд предшествующих ей научных публикаций, где автор подробно представляет свой взгляд на проблемы производности и мотивированности, а также предлагает собственную шкалу степеней мотивированности. Как описывает исследователь, «сама шкала выстраивается по признаку убывания семантической отчетливости в отношениях производных и производящих. Прямая мотивированность — это синхронные отношения в чистом виде, так как в семантические связи в языке вступают прежде всего прямые значения, ядро лексической системы. <...> Полной мотивированности противопоставляется неполная, частичная, когда в значение производного лексическое значение производящего входит с семантическим усечением» [92, с. 50].

Необходимо отметить, что существует некая обусловленность семантики производного (мотивированного) слова, зависимость ее от производящей (мотивирующей) основы. В каждом конкретном случае мотивированность производного слова предстает «как способность отсылочной части производного отсылать к соответствующему слову (и, конечно, обозначенному им понятию), но одновременно — и как способность к «естественному» окружению такого слова, т.е. вызывать в нас ассоциации, связанные с употреблением слова в первичном для него окружении, сигнализировать о связях реалий и понятий. Отсылочная часть выступает в этом смысле не только как краткое резюме мотивирующего суждения, но и как образ обозначенного им слова, который при необходимости служит в качестве сигнала-намёка на все, связанное с триадой» [51, с. 172].

Словообразовательную систему русского языка принято рассматривать либо как совокупность словообразовательных типов (Б. Н. Головин, И. И. Ковалик, Русская грамматика 1980 г. и др.), либо как совокупность словообразовательных типов и словообразовательных гнезд (Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, П. А. Соболева и др.). С позиции второй точки зрения, то есть

«более широкого подхода», «словообразовательное гнездо представляет собой, действительно, высшую и самую сложную комплексную единицу» [43, с. 25]. Однако самой сложной, высшей единицей словообразования является, по-видимому, аллигатура как совокупность определенных гнезд и рядов [4, с. 35], которая не может быть познана без анализа конкретных словообразовательных гнезд.

Словообразовательное гнездо имеет сложные взаимоотношения между своими единицами изучение этих взаимоотношений позволяет в полной мере раскрыть уровневый характер языковой системы, связи и взаимодействия грамматики, лексики и словообразования. Единицами словообразовательной системы, в свою очередь, являются производное (мотивированное) и производящее (мотивирующее) слова, словообразовательный тип (и способ), словообразовательное гнездо, аллигатура [77, с. 25]. Они действенны в деривационной системе всего русского языка, во всех его компонентах.

Изучение смысловой структуры языка основывается, в том числе, на внимательном, детальном рассмотрении словообразовательного гнезда, его структуры и выявлении действия механизма семантической преемственности на протяжении всего пространства гнезда. «Чтобы вникнуть в природу русского языка, выявить особенности его формально-структурного устройства, необходимо глубоко и всесторонне исследовать жизнь гнезда» [80, с. 157]. Словообразовательное гнездо – самая сложная, многомерная комплексная единица словообразовательной системы, углубленное изучение которой началось в 60-е гг. XX века. Как отмечает М. Ю. Казак, «научные проекции теории гнезда в грамматику, лексику и другие подсистемы – свидетельство многоаспектности изучаемого объекта» [43, с. 30]. Исследование гнезд разных частей речи является одним из наиболее эффективных способов изучения словообразующих возможностей как производной, так и непроизводной лексики.

Гнездовой подход к словообразовательной системе в целом лежит в основе трудов Е. Л. Гинзбурга (1967), П. А. Соболевой (1970), А. Н. Тихонова (1971). Позднее в работах Е. А. Земской (1978), И. И. Ковалика (1978), А. А. Лукашанца (1981) и других были затронуты наиболее важные вопросы определения словообразовательных гнезд как основных комплексных единиц языка. Изучение сложного семантического устройства словообразовательного гнезда, в частности, выявление некоторых закономерностей лексико-семантической соотносительности слов в словообразовательных парах, цепочках и гнезде в целом отражено в трудах С. Г. Бабича (1988), Т. Ф. Ивановой (1975), Р. Г. Карунц (1980), И. С. Улуканова (1977). Большим вкладом в исследование теории гнезда явились работы А. Н. Тихонова, в том

числе и изданный им «Словообразовательный словарь русского языка» в 2-х томах [79], на сведения которого опираются многие исследователи при работе с конкретными гнездами. До создания своего фундаментального труда А. Н. Тихонов подробно описал историю изучения и лексикографическую разработку гнездования слов, для чего проанализировал словообразовательные гнезда в «Словаре Академии Российской» (1789 – 1794), гнездовом русско-французском словаре Филиппа Рейфа (1835), «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и других научных трудах [78].

Ряд трудов, посвященных изучению внутреннего устройства словообразовательного гнезда показал, что слова, близкие по смыслу, создают аналогичную структуру гнезд и значительную совпадаемость формантов [62, с. 21]. Выявление данной закономерности повлекло за собой многочисленные исследования семантики гнезда на базе лексико-семантических групп слов (О. И. Дашенко, С. А. Емельянова, А. А. Лукашанец и др.).

А. И. Моисеев в статье «Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы» выделяет пять структурных типов словообразовательных гнезд: а) гнездо-слово (однословные гнезда) — это так называемые одиночные слова — корневые, непроезводимые слова; б) гнездо-пара слов (двусловные гнезда); в) гнездо-цепь (цепочечные гнезда); г) гнездо-веер (веерные гнезда); д) гнездо-дерево (древовидные гнезда) [59, с. 90].

Сложная иерархическая структура гнезда раскрывается парадигматически и синтагматически. На горизонтальной оси структуру гнезда представляют две единицы: минимальная — **словообразовательная пара** и более крупная — **словообразовательная цепочка**.

Словообразовательную пару составляют производящее и производное, связанные между собой формально и семантически [79, с. 41], отношениями непосредственной словообразовательной производности [60, с. 216].

Выделение второй единицы горизонтального уровня представляет собой результат рассмотрения отношений последовательной производности. Своей сущностью словообразовательная цепь как единица подчеркивает ступенчатый характер словообразования в русском языке. В данном случае «формально-семантическое варьирование исходного слова (корня) разворачивается на горизонтальной оси — в пошаговом присоединении к осложняющейся мотивирующей основе все новых и новых формантов» [43, с. 34]. Изучение словообразовательных цепей началось в 70-е годы XX столетия, различные определения данной части словообразовательного гнезда не противоречат друг другу и выглядят следующим образом: «Словообразовательная цепочка — родственные слова, последовательно связанные друг с другом отношениями производности» [78, с. 196]; «Словообразовательная цепочка — совокупность

производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей» [35, с. 30]; «Словообразовательная цепь – ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности» [65, с. 133]; «Словообразовательная цепочка – это совокупность производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей» [67, с. 392], а также другие.

В русском языке словообразовательная цепь минимально состоит из одной словообразовательной пары, максимально – из 7 пар: «Седьмым звеном исчерпываются словообразовательные возможности русского языка на синтагматической оси» [80, с. 44]. Однако есть и другое мнение – словообразовательная цепь состоит как минимум из трех слов [58, с. 83].

Существует целый ряд научных работ по изучению словообразовательной цепи как составной части гнезда, в частности, А. Н. Тихонов посвятил диссертационное исследование отглагольным словообразовательным цепочкам (1984); И. А. Ширшов предложил собственную классификацию словообразовательных цепей, выделив для этого семь критериев (конкретность/абстрактность, количество компонентов, лексико-грамматическая принадлежность исходного слова, лексико-грамматическая принадлежность исходного и конечного звена, последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое, тождество/нетождество лексических значений производных и производящих, одна мотивация у конечного (или неконечного) звена или более) [91, с. 178 – 186]. Кроме того, некоторые семантические закономерности словообразовательных цепей были выявлены О. П. Ермаковой [32]. Подробно рассматривается теория словообразовательных цепей и М. Ю. Казак в диссертационном исследовании, посвященном интегративной теории гнезда, причем признается, что изучение конкретных словообразовательных гнезд при различных аспектах невозможно проводить без рассмотрения составляющих их словообразовательных цепей: «Отражая ступенчатый характер русского словообразования, словообразовательная цепь является весьма емким инструментом в исследовании формальных, грамматических, семантических свойств системной организации словарного состава языка» [43, с. 37].

В качестве основной единицы вертикальной оси в составе гнезда выступает словообразовательная парадигма. **Словообразовательная парадигма** – это совокупность всех производных непосредственно от одной и той же основы. В качестве постоянных элементов словообразовательной парадигмы выступают: в плане содержания – семантика производящего слова, в плане выражения – производящая основа; в качестве чередующихся элементов, соответственно: словообразовательные значения и

словообразовательные аффиксы. Первоначально данный термин использовался для обозначения совершенно разных понятий: словообразовательного гнезда, словообразовательной цепи, части гнезда, состоящей из совокупности производных одного базового слова. В настоящее время определения словообразовательных парадигм во многом схожи: «Словообразовательная парадигма – набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени деривации» [35, с. 71]; «Словообразовательная парадигма – ряд однокоренных слов с тождественными мотиваторами и разными формантами» [26, с. 48].

Для анализа словообразовательного гнезда в парадигматическом плане существенна концепция Е. А. Земской о соотношении **конкретных** и **типовых** словообразовательных парадигм, эти понятия были введены в ее работе «О парадигматических отношениях в словообразовании» (Земская, 1978). По мнению автора, конкретная словообразовательная парадигма является частью гнезда, тогда как типовая словообразовательная парадигма – нечто отвлеченное от конкретных средств выражения словообразовательного значения.

Кроме того, филологи различают словообразовательные парадигмы по частеречному признаку исходного слова, они бывают **именными** (субстантивными, адъективными, местоименными, нумеративными), **глагольными** и **наречными**.

Подробное рассмотрение конкретных словообразовательных гнезд, которые имеют существенное значение для формирования национальной языковой картины мира и представляют наибольший интерес для лингвиста.

1.2 Особенности турецкой словообразовательной системы

Основным словообразовательным формантом в турецком языке являются аффиксы. **Словообразовательные аффиксы** (уарım eki) присоединяются к корню или к основе глагола и служат для образования новых слов. Агглютинативность, являющаяся определяющей чертой турецкого языка, обусловила его одну интересную особенность: полное отсутствие в исконных турецких словах префиксов, постфиксов и флексий, а также соединительных морфем (интерфиксов). Исключения составляют только заимствования из персидского и арабского языков (например, префикс *bi-*, интерфикс *-ti-*), причём в сознании подавляющего большинства носителей современного турецкого языка заимствованные слова с указанными формантами воспринимаются как практически неразложимые лексические единицы, а потому имеющиеся в их составе префиксы и интерфиксы остаются таковыми лишь по происхождению. Таким образом, все лексические и грамматические

изменения, происходящие в языке, производятся путём прибавления суффиксов, что свидетельствует также об универсально-аналитическом характере турецкого языка.

Корни слов выражают действия, предметы или их признаки. Имена существительные обозначают предметы, глаголы – действия, однако далеко не все номинации предметов и действий имеют свои корни. Родственные понятия зачастую выражаются однокоренными словами. Однокоренные слова образуются путем присоединения различных словообразовательных аффиксов к одному и тому же корню. При этом однокоренными могут оказаться существительные и глаголы, например:

göz (глаз) – *göz-lük* (очки) – *göz-lük-çü* (человек, который делает или продает очки);

sevmek (любить) – *sev-in-mek* (радовать-ся), *sev-inç* (радость)

Словообразовательные аффиксы находятся за корнем или же за другими словообразовательными аффиксами. Сложное слово в турецком языке можно представить следующим образом: «корень + словообразовательный аффикс (аффиксы) + словоизменяющий аффикс».

Словообразовательные аффиксы в турецком языке делятся на именные и глагольные. С помощью именных аффиксов образуются имена, а с помощью глагольных – глаголы.

Таким образом, все словообразовательные аффиксы делятся на четыре группы.

1. Именные аффиксы, прибавляемые к именам.
2. Именные аффиксы, прибавляемые к глаголам.
3. Глагольные аффиксы, прибавляемые к глаголам.
4. Глагольные аффиксы, прибавляемые к именам [16, с. 101].

Деривация имён существительных в турецком языке осуществляется четырьмя способами: 1) морфологический (аффиксация); 2) синтаксико-морфологический (различные виды словосложения); 3) лексико-синтаксико-морфологический (субстантивация); 4) калькирование [46, с. 102].

Рассмотрим каждый из этих способов словообразования.

1.2.1 Морфологический способ словообразования в турецком языке

Морфологический способ словообразования состоит в сочетании особых словообразовательных морфем (аффиксов) со словом, в результате чего образуется новое слово.

Способ аффиксального образования является самым продуктивным в турецком языке. Аффиксация представляет собой грамматический тип

словообразования, т. е., по словам А. Н. Кононова, «таким, с помощью которого образуются определенные серии слов, образованные посредством различных аффиксов, которые сообщают словам определенное значение, выраженное в специальной форме.

С помощью аффиксов в турецком языке образуются четыре семантические группы имён существительных:

- 1) имена существительные, обозначающие названия лиц;
- 2) имена существительные, обозначающие названия предметов (включая названия орудий действия и названия места);
- 3) имена существительные с отвлечёнными значениями;
- 4) формы субъективной оценки: имена существительные со значениями уменьшительности, ласкательности и т. д.» [46, с. 102]

В силу многозначности ряда турецких словообразовательных аффиксов, их изучение ведется обычно не по указанным семантическим разрядам, а монографически, т. е. в одном месте в определенной последовательности описываются все значения каждого аффикса.

Исходной основой для образования имён существительных могут быть имена и глаголы; в соответствии с этим образованные субстантивные дериваты делятся на отыменные и отглагольные.

1.2.1.1 Аффиксы, прибавляемые к именам в турецком языке

Аффиксы этой группы прибавляются к именам или именным основам, в результате чего образуются новые имена. Аффиксы этой группы немногочисленны, некоторые из них являются непродуктивными, другие же могут прибавляться ко многим словам. К этой группе относятся аффиксы, образующие имена существительные, прилагательные и порядковые числительные [16].

Наиболее употребляемые отсубстантивные аффиксы: 1) *-lık, -lik, -luk, -lük*; 2) *-ci, -ci, -cu, -cü (-çi, -çi, -çu, -çü)*; 3) *-li, -li*; 4) *-siz, -siz, -suz, -süz*; 5) *-ce, -ca (-ça, -çe)*; 6) *-nci, -nci, -ncu, -ncü*; 7) *-er*; 8) *-daş (-taş)*; 9) *-sal, -sel*; 10) *-ti, -ti, -tu, -tü*; 11) *-ki*.

Рассмотрим теперь эти аффиксы по порядку.

1) *-lık, -lik, -luk, -lük*

Данный аффикс является полисемантическим, выражая значения места:

а) (*kötmür* (уголь) → *kötmürlük* (угольный склад), *çöp*(мусор) → *çöplük* (мусорная свалка),

б) инструментальности (*tuz* (соль) → *tuzluk* (солонка), *ayakkabı* (обувь) → *ayakkabılık* (подставка для обуви)),

в) абстрактности (*zor* (трудный) → *zorluk* (трудность), *iyi* (хороший) → *iyilik* (добро)),

г) меры (*kış* (зима) → *kışlık* (зимний дом), *gün* (день) → *günlük* (ежедневный)),

д) профессии лица (*doktor* (врач) → *doktorluk* (профессия врача), *öğretmen* (учитель) → *öğretmenlik* (профессия учителя)). Дериваты с указанным аффиксом и полисемичным корнем также способны образовывать лексемы с несколькими лексико-семантическими вариантами (*genç* (молодой) → *gençlik* (молодость, молодежь); *güneş* (солнце) → *güneşlik* (штора, солнечное место); *gece* (ночь) → *gecelik* (ночная сорочка, ночная пора); *baş* (голова) → *başlık* (шапка, заглавие) и т. д.).

2) -сі, -ci, -cu, -cü (-çı, -çi, -çu, -çü)

Данный аффикс также является полисемантическим, совмещая значения:

а) вида деятельности (*diş* (зуб) → *dişçi* (зубной врач); *itfaiye* (пожарная часть) → *itfaiyeci* (пожарник)),

б) лица – производителя действия (*şaka* (шутка) → *şakacı* (шутник), *dedikodu* (сплетня) → *dedikoducu* (сплетник)).

3) -lı, -li, -lu, -lü

Данный аффикс используется в турецком языке для создания лексем с атрибутивной семантикой (*tuz* (соль) → *tuzlu* (соленый); *boya* (краска) → *boyalı* (крашеный)), а также для обозначения лиц по месту жительства (*Moskova* (Москва) → *Moskova'lı* (москвич); *şehir* (город) → *şehirli* (горожанин)).

4) -sız, -siz, -suz, -süz

Этот аффикс является своеобразным антонимом аффиксу "-lı, -li, -lu, -lü", однако данный формант валентностно ограничен. Аффикс -sız помечает отсутствие чего-либо, а также может образовывать имена существительные, прилагательные и наречия (*tuz* (соль) → *tuzsuz* (несоленый); *duygu* (чувство) → *duyusuz* (бесчувственный)).

5) -ce, -ca (-ça, -çe)

При помощи этого аффикса образуются лексемы-номинализации языков (*Rus* (русский) → *Rusça* (русский язык); *Türk* (турок) → *Türkçe* (турецкий язык)), а также адвербиальные дериваты со значением подобия (*çocuk* (ребенок) → *çocukça* (по-детски); *erkek* (мужчина) → *erkekçe* (по-мужски)).

6) -ncı, -nci, -ncu, -ncü

При помощи присоединения этого моносемантического аффикса к количественным числительным образуются порядковые числительные (*bir* (один) → *birinci* (первый); *iki* (два) → *ikinci* (второй)).

7) -er, -ar

Данный аффикс преобразует количественное числительное в собирательное (*üç (три) → üçer (по трое); iki (два) → ikişer (по двое)*).

8) -daş (-taş)

При помощи этого аффикса выражается семантика лица как носителя предметного признака (*vatan (отечество) → vatandaş (соотечественник); yol (путь) → yoldaş (спутник)*).

9) -sal, -sel

При помощи этого аффикса образуются имена прилагательные со значением относительности (*duygu (чувство) → duygusal (чувствительный); iç (внутри) → içsel (внутренний)*).

10) -tı, -ti, -tu, -tü

При помощи этого аффикса чаще всего образуются имена существительные, которые передают различные звуки (*çitir → çitirtı (хруст); şırıl → şırılta (журчание)*).

11)-ki

При помощи этого аффикса образуются прилагательные. Он обозначает место, где располагается объект (на русский язык можно перевести «расположенный, находящийся где-то»). В отличие от омонимичного союза, этот аффикс пишется слитно с предшествующим словом. Он прибавляется к основе именительного падежа слов, обозначающих время, (*geçen yılki program (прошлогодня программа)*), а к словам, обозначающим место, к основе местного падежа (*sınıf-öğrenci → sınıf + ta + ki öğrenci → sınıftaki öğrenci (ученик который находится в классе)*).

У этого аффикса нет фонетических вариантов. Только в нескольких словах он имеет вид *-kü* и прибавляется исключительно к словам "dünkü", "bugünkü", "günkü" (*dünkü maç (вчерашний матч), salı günkü ders (занятие во вторник)*).

1.2.1.2 Аффиксы, прибавляемые к глаголам в турецком языке

Аффиксы этой группы присоединяются к глагольным основам и превращают их в имена. Эта группа самая многочисленная из групп словообразовательных аффиксов. Данный факт является косвенным подтверждением того, что в турецком языке наиболее важную роль играют глаголы.

У большинства аффиксов этой группы сложно выделить конкретные значения, однако некоторым группам свойственны наиболее характерные для них признаки.

Все именные аффиксы, прибавляемые к глаголам, можно разделить на три подгруппы:

1. Аффиксы именных форм глагола:

- а) *-так, -тек*: okumak (читать), bakmak (смотреть), yazmak (писать)...
- б) *-та, -те*: okuma (чтение), yazma (письмо), bakma (осмотр)...
- в) *-ış, -iş, -uş, -üş*: okuyuş (прочтение), gülüş (смех), bakış (взгляд)...

2. Аффиксы глаголов-прилагательных (причастные):

- а) *-an, -en*: okuyan (çocuk) (читающий (мальчик)), konuşan (adam) (говорящий (человек)), gülen (bebek) (смеющийся (ребенок))...
- б) *-dik, -dik, -duk, -dük (-tik, -tik, -tuk, -tük)*: seyrettiğimiz (film) (просмотренный фильм), sevdiğim (yemek) (еда, которая мне нравится)...
- в) *-acak, -ecek*: gideceğim (yer) ((место), в котором я поеду), gelecek (yıl) (следующий год), evlenecek (kişi) (женяющийся (человек))...
- г) *-r, -ar, -er, -ir, -ir, -ur, -ür*: yanar (dağ) (вулкан), yazar (kasa) (кассовый аппарат), çalar (saat) (будильник)...
- д) *-maz, -mez*: tükenmez (kalem) (авторучка), bitmez (dert) (нескончаемое (горе)), çıkmaz (sokak) (тупиковая (улица))...
- е) *-miş, -iniş, -muş, -müş*: pişmiş (yemek) (приготовленная (еда)), haşlanmış (yumurta) (сваренное (яйцо))...
- ж) *-ası, -esi*: yıkılası (yollar) (разрушенные (дороги)), kahrolası (serseriler) (чертовы (бродяги))...

Чаще всего аффиксы этой подгруппы обозначают временные признаки и постоянные признаки объектов. Особенностью турецкой словообразовательной семантики является полисемия формантов: практически любую именную или причастную форму глагола носитель турецкого языка в первую очередь воспринимает как номинацию предмета либо явления по действию. Таким образом, в турецком языке все указанные аффиксы образуют отглагольные имена существительные.

3. Прочие именные аффиксы:

Наиболее частотные аффиксы этой подгруппы:

- а) *-m, -im, -im, -im, -im*: alım (покупка), doğum (рождение)...
- б) *-k, -ik, -ik, -ik, -ik*: açık (открытый), öksürük (кашель)...
- в) *-ı, -i, -ı, -i*: tartı (взвешивание), sayı (число)...
- г) *-ıcı, -ici, -ıcı, -ici*: satıcı (продавец), kurucu (основатель)...
- д) *-gi, -gi, -gi, -gi (-ki, -ki, -ki, -ki)*: saygı (уважение), uyku (сон)...
- е) *-gün, -gün, -gün, -gün (-kın, -kın, -kın, -kın)*: dalgın (задумчивый), çarkın (бабник)...
- ж) *-ak, -ek*: yatak (постель), dönek (непостоянный)...
- з) *-gan, -gen (-kan, -ken)*: alıngan (обидчивый), unutkan (забывчивый)...
- и) *-tı, -tı, -tı, -tı*: akıntı (течение), özentî (подражание)...
- к) *-t, -it, -it, -it, -it*: geçit (переход), umut (надежда)...
- л) *-n, -in, -in, -in, -in*: talan (ограбление), akın (приток)...
- м) *-ç*: sevinç (радость), kıskanç (ревнивый)...

Чаще всего они обозначают постоянные признаки предметов.

1.2.2 Синтаксико-морфологический способ словообразования в турецком языке

К данному способу исследователи (А. Н. Кононов, П. И. Кузнецов) относят различные виды словосложения. По характеру исходных основ и по синтаксическому соотношению частей выделяются несколько типов сложных существительных:

1) Первый тип – сложение способом примыкания а) двух существительных, относящихся друг к другу как антонимы, которые в сложении образуют новое слово (*anababa* – ‘родители’ («мать + отец»)); б) двух имён существительных различного назначения, в сложении образующих новое слово (*sütanne* – ‘кормилица’ («молоко + мать»)); в) двух имён существительных, обозначающих два предмета, первому из которых уподобляется предмет, названный вторым существительным (*serçerparmak* – ‘мизинец’ («воробей + палец»)).

2) Второй тип – сложение способом примыкания имени прилагательного или числительного к имени существительному, дающее в сложении новую лексическую единицу (*büyükanne* – ‘бабушка’ («большой + мать»); *biraz* – ‘немного’ («один + мало»)).

3) Третий тип – сложение способом управления двух имён существительных (*ayakkabı* – ‘обувь’ («нога + посуда-её»); *yüzkarası* – ‘бесчестие’ («лицо + чернота-его»)).

4) Четвертый тип – сложение дополнения с причастием способом примыкания (*dalgakıran* – ‘волнорез’ («волну + ломающий»); *ağaçkapan* – ‘дятел’ («дерево + ударяющий»)), реже – управления (*günebakan* – ‘подсолнечник’ («на солнце + смотрящий»)); каждый из компонентов сохраняет свое ударение.

5) Пятый тип – сложение дополнения и сказуемого, образующих в сложении новое слово (*mirasyedi* – ‘расточитель’ («наследство + проел»)).

6) Шестой тип – сложение подлежащего и сказуемого, образующих в сложении новое слово (*sinekkaydı* – ‘гладко выбритый’ («муха + скользнула»)).

7) Седьмой тип – сложение двух законченных форм глагола, дающих в сложении новое слово (*dedikodu* – ‘сплетни’ («сказал + положил»)).

8) Восьмой тип – сложение двух чистых глагольных основ (*vurtut* – ‘драка’ («бери + хватай»)).

Типы сложных слов в турецком языке не исчерпываются приведенными выше; есть еще некоторое число сложных слов, которые, в силу их малого

количества, не могут быть отнесены к определенному типу (*uyurgezer* – ‘лунатик’ («спящий + гуляющий»); *birdirbir* – ‘чехарда’ («один-есть + ещё-один») и т. д.).

1.2.3 Лексико-синтаксико-морфологический способ словообразования в турецком языке

К данному способу А. Н. Кононов относит субстантивацию (переход других частей речи в существительное), которая в турецком языке осуществляется двумя способами:

1) слова, не входящие в класс имен существительных, приобретают в определенном контексте, не меняя своей формы, предметное значение (окказиональная или контекстуальная субстантивация); лексико-синтаксический способ.

2) слова, не входящие в класс имен существительных, приобретают предметное значение морфологическим способом – с помощью аффиксальной принадлежности 3 лица глаголов (морфологическая субстантивация).

При субстантивации первым способом наблюдается две степени перехода других частей речи в разряд имен существительных:

а) устойчивая субстантивация: слово приобретает предметную семантику при сохранении старого значения; с точки зрения общего грамматического значения слово входит в класс имен существительных (новое, приобретенное качество) и в класс какой-то другой части речи (старое, исконное качество) (*gelir* – 1. ‘приходящий’, 2. ‘доход’; *tutar* – 1. ‘держачий’, 2. ‘сумма’, ‘итог’).

б) окказиональная или контекстуальная субстантивация – приобретение предметного значения только в определенном контексте; это наиболее продуктивная и многочисленная группа субстантивированных имен, так как практически почти каждое слово может быть субстантивировано таким образом.

При устойчивой форме субстантивации наблюдается сужение и конкретизация общего лексического значения слов, переходящих в класс имен существительных.

Второй способ перехода других частей речи в существительные состоит в том, что субстантивация закрепляется морфологическим оформлением – с помощью аффикса принадлежности 3 лица глаголов, который, в данном случае, служит целям смысловой защиты. Если, например, в русском языке приобретение прилагательным предметной семантики состоит в том, что оно начинает употребляться без своего определяемого, что сопровождается

изменением, сужением его лексического значения («старый» – это только «старый человек», «старик»), то в турецком языке дело обстоит иначе.

Субстантивации с помощью аффикса принадлежности 3 лица глаголов подвергаются все части речи, «синтаксически используемые для выражения определительных и обстоятельственных отношений (имя прилагательное, имя числительное, наречие). Аффикс принадлежности 3 лица глаголов указывает на пропущенное имя существительное, которое в сочетании с субстантивировавшимся словом составляло какое-то определенное словосочетание; пропущенное имя существительное легко восстанавливается слушающим или читающим из общего контекста или обстановки речи (*Bunların arasında iyisi de var kötüsü de* ‘Среди них есть и хорошие, и плохие’ (речь может идти о людях и о вещах; только контекст определяет значение)» [46, с. 132].

1.2.4 Калькирование в турецком языке

Калькирование, т. е. образование новых слов путем копирования того способа словообразования, которым соответствующее слово образовано в каком-либо другом языке, довольно широко представлено (но совершенно не изучено) в турецком языке.

Словарный состав турецкого языка, как известно, долгое время пополнялся за счет заимствований из арабского и персидского языков, из итальянского и греческого языков, позднее слова интенсивно заимствуются из французского, из южно-славянских (болгарского, сербского) и из других европейских языков.

Калькируется преимущественно техническая и научная терминология (*demir yol / demir yolu* (фр. *le chemin de fer*) ‘железная дорога’; *başhekim* (п.-а. *sertabib*) ‘главный врач’; *perde arası* (фр. *l'entr'acte*) ‘антракт’; *devekuşu* (перс. *şotor morg*) ‘страус’ и т. д.).

Подавляющее большинство новых слов, созданных во второй половине XX века, представляют собой кальки (полные или частичные).

Словообразование в турецком языке на современном этапе в основном характеризуется разработкой функционально-коммуникативного подхода к единицам различных языковых уровней иерархии языка. Широкие перспективы открывает динамическое рассмотрение синхронного словообразования, чему способствует переход от изучения и накопления таксономических сведений об инвентаре словообразовательной системы, формальных и семантических особенностях производных слов в турецком языке к исследованию качественного своеобразия функционирования их в речи.

Выводы по главе 1

Учитывая вышесказанное, мы пришли к следующим выводам:

Основной единицей словообразовательной системы русского языка является производное слово, определяющим признаком которого служит словообразовательная мотивированность. Семантика производного (мотивированного) слова обусловлена производящей (мотивирующей) основой, отражает его зависимость от данной основы по целому ряду критериев (частеречных свойств, принадлежности к той или иной грамматической категории, конкретных лексических связей, устоявшихся в сознании контекстов ее употребления) и занимает соответствующее место в языковой картине мира.

На современном этапе развития лингвистической науки подчеркивается динамика языка, отмечается важность изучения деривационного механизма, в том числе в рамках словообразовательного гнезда. Разработка теории этой сложной комплексной единицы насчитывает несколько десятилетий, интенсивность исследований быстро обеспечила словообразовательное гнездо обширной теоретической базой: определены параметры словообразовательного гнезда, выделены и описаны составляющие их единицы, создан ряд классификаций словообразовательных гнёзд, а также проведено большое количество научных исследований конкретных гнезд в синхронии, диахронии и сопоставлении. При этом семантическое устройство словообразовательного гнезда вызывает в настоящее время особый интерес лингвистов, так как именно семантика обуславливает процесс деривации (в том числе и в рамках гнезда), что имеет существенное значение для формирования и описания национальной языковой картины мира.

Обращение к лексическому значению слова и его лексико-семантическим вариантам является отправной точкой в рамках исследования семантического пространства языка. Наблюдения за преобразованием семантики в процессе деривации являются источником информации о логике носителя языка, о востребованности производного слова в речевом потоке и о ходе словообразовательного процесса в рамках основных компонентов национального языка. При этом главным инструментом подобного рода исследований является словарная дефиниция, детально отражающая восприятие носителем языка того или иного фрагмента национальной языковой картины мира в синхронии.

Глава 2

Структурно-семантическая классификация производных имен существительных

Слово, выступая в тексте в качестве строительного и креативного элемента языковой системы, обеспечивает точность, семантическую подвижность и многоуровневость текста. Также необходимо сказать, что взаимосвязь производного слова и текста проявляется в процессе порождения текста. Необходимо также подчеркнуть целенаправленность выбора производной лексемы и подчиненность этого выбора целям и задачам сферы общения, характеру передаваемой информации и коммуникативным установкам автора. «Объективно существующая языковая система не только удовлетворяет потребности выражения, но и порождает трудности на пути к выражению нетривиального содержания. Мотивом образования новых слов обычно является необходимость лексически выразить мыслительное содержание, ранее не объективированное в слове или объективированное не в полном соответствии с замыслом автора...» [49, с. 129].

Мы рассматривали стандартные деривационные модели, которые, на наш взгляд, не менее интересны и показательны, нежели окказиональные (нестандартные) модели деривации, так как узуальные производные лексемы достаточно информативны с точки зрения структурной семантической организации индивидуально-художественного стиля автора.

Узуальные имена существительные, выбранные нами из рассказов В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость», «Этот лучший из миров», а также рассказа М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gecce» (*Темная половина лица*) представлены 957 и 534 единицами соответственно. Вся лексика, использованная в произведениях Виктории Токаревой и Музаффера Буйрукчу, принадлежит литературной разновидности языка. Диалектизмов, жаргонизмов и другой лексики ограниченного употребления не выявлено.

Использование разговорных, просторечных слов во всех рассматриваемых нами произведениях рассчитано на создание образа персонажа, не обладающего высокой культурой, а также на создание языка, свойственного колориту тех лет. Различные пласты лексики, использованной в текстах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу, переплетаются и даже в отдельных случаях вступают в противоречие: это наиболее ярко выражено в описании и речи персонажей, антагонистичных друг другу. Примерами могут послужить Валентин и его сослуживцы из рассказа «День без вранья»; Фараон и его ученики из рассказа «Фараон»; главная героиня и Анастасия из рассказа «Из

жизни миллионеров» и другие.

2.1 Производные имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением

Данное словообразовательное значение реализуется в синтаксических дериватах – производных, отличающихся от производящих принадлежностью к иной части речи, но имеющих то же значение, что и производящие (сюда относятся отглагольные существительные со значением «отвлечённое действие» – *чтение, ходьба, перелёт*; отадъективные существительные со значением «отвлечённый признак» – *тишина, белизна, синь*; отсубстантивные прилагательные – *лесной, грибной, персиковый*; отадъективные наречия – *легко, весело, быстро*).

2.1.1 Модель образования: глагол → существительное

Производные имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением, представленные в рассказах В. С. Токаревой (Приложение 1, таблица 1)

Общее количество единиц – 252.

Способ словообразования: суффиксация – 252 единицы.

Словообразовательное значение – отвлеченный процессуальный признак.

Самый частотный специализированный суффикс *-ений/-еньй/-ний/-ньй-* (112), а также – неспециализированный нулевой суффикс (74).

Общее количество эмоционально окрашенных единиц – 17 (6,7%). Во всех случаях эмоционально окрашено мотивирующее слово (*отвращение, любовь, кружение, надежда, мучение и т. д.*).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 26 (10,3%). Из них 2 – просторечные (*враньё, запой*), 4 – относятся к разговорному стилю (*пытка, трусость, драка, вой*), 20 – к высокому стилю (*взор, касание, гибель*).

Производные имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением, представленные в рассказе М. Буйрукчу (Приложение 2, таблица 1)

Общее количество единиц – 93.

Способ словообразования: суффиксация – 93 единицы.

Словообразовательное значение – отвлеченный процессуальный признак.

Самый частотный специализированный суффикс *-ma/-me-* (66).

Общее количество эмоционально окрашенных единиц – 15 (16,1%). Во всех случаях эмоционально окрашено мотивирующее слово (*sıkıntıyla* (томление), *sevişeceklerini* (совокупляющийся), *öldürmeye* (убийство), *övmeleri*

(хвастовство), *kandırmaya* (обольщение) и т. д.).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 36 (38,7%). Из них 1 – просторечное (*sövüşteler* (ругательство)), 4 – относятся к разговорному стилю (*yellenmesine* (обмахивание), *fikirdaması* (кокетство), *böğürmesi* (мычание), *kandırmaya* (обольщение)), 31 – к высокому стилю (*istenmemesini* (требование), *sorulmasını* (спрос), *gezinmeye* (гулянье) и т. д.).

2.1.2 Модель образования: прилагательное → существительное

Производные имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением, представленные в рассказах В. С. Токаревой (Приложение 1, таблица 1)

Общее количество единиц – 109.

Способ словообразования: суффиксация – 109 единиц.

Словообразовательное значение – отвлеченный непроцессуальный признак.

Самый частотный специализированный суффикс *-ость-* (76), который составляет наиболее продуктивный тип образования слов с отвлеченным значением признака, свойства.

Общее количество эмоционально окрашенных единиц – 21 (8,3%). Во всех случаях эмоционально окрашено мотивирующее слово (*злость*, *бешенство*, *радость*).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 6, из них 1 относится к разговорному стилю (*неряшливость*), 5 – к высокому стилю (*вечность*, *быстротечность*, *безысходность*).

Производные имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением, представленные в рассказе М. Буйрукчу (Приложение 2, таблица 1)

Общее количество единиц – 35.

Способ словообразования: суффиксация – 35 единиц.

Словообразовательное значение – отвлеченный непроцессуальный признак.

Самый частотный специализированный вариативный суффикс *-lig- / -liğ- / -lik- / -luk- / -lük- / -lug- / -lüg-* (34), который составляет наиболее продуктивный тип образования слов с отвлеченным значением признака, свойства.

Общее количество эмоционально окрашенных единиц – 15 (42,8%). Во всех случаях эмоционально окрашено мотивирующее слово (*pisliğine* (грязь), *sarhoşluğa* (пьянство), *açlığin* (голод), *yüzsüzlük* (бесстыдство) и т. д.).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 26, из них 4 относятся к разговорному стилю (*çirkinliklerin* (некрасивость), *yüzsüzlük* (бесстыдство), *durgunluğu* (затишье), *hoşluğa* (приятность)), 18 – к высокому

стилю (*donukluğu* (тосклость), *kıptırsızlığa* (неподвижное положение), *eşitlik* (равенство), *yalnızlığın* (одиночество)), 4 – к просторечию (*sarhoşluğa* (пьянство), *pisliğine* (грязь), *düşüklüğünün* (падение), *hayranlıkla* (фанатизм)).

В количественном отношении среди всех производных имен существительных, встречающихся в рассказах В. С. Токаревой, выделяются имена существительные с **транспозиционным словообразовательным значением** (361 лексема, что составляет 37,7% от общего количества) – (мучение, выселение, обвинение, общение, формулировка, драка, занятие, отплытие, ссора, беседа, работа, любовь, грохот, нежность, злость, красота, глубина и т.д.). Это свидетельствует о стремлении автора варьировать способ выражения одного и того же значения и является показателем семантико-грамматической спрессованности языкового материала. Эта особенность связана с синтезом в данных дериватах значений процессуальности / непроцессуальности признака и грамматической предметности. Причем среди имен существительных с транспозиционным значением преобладают слова со значением процессуальности (суффиксы *-0-*, *-ений-*, *-ств-*, *-б-* и другие). Это связано с динамичностью сюжетов и речи героев, а также их авторской характеристикой: данные лексемы используются лишь в речи образованных героев, что выделяет их из общего числа персонажей. Отдельно стоит отметить преобладание дериватов, образованных с помощью нулевой суффиксации: «Глагольная деривация актуализирует процессуальное значение нулевых образований, усиливает мотив психологического восприятия автором явлений действительности, иногда способствует сохранению первичной, исторической семантики отглагольных лексем...» [61, с. 12].

Что касается непроцессуальных имен существительных, то наиболее продуктивным для писателей является образование производных существительных от прилагательных при помощи суффикса *-ость*. Заключение в них семантика является не только средством характеристики героев, но и особенностью писательского стиля В. С. Токаревой. Частотность употребления таких образований связана с их большой продуктивностью, причиной которой М. А. Бакина считает смысловую многоплановость, так как в семантике таких имен существительных может происходить совмещение прямого и переносного значения мотивирующих слов [7, с. 4 – 26]. Кроме того, использование существительных с транспозиционным словообразовательным значением, т. е. отвлеченных имен существительных, является средством отражения внутреннего мира автора. «Психология творчества различает два типа мышления: наглядное и теоретическое... Сопоставляя значительную часть «интеллигентского» словаря, отвлеченные существительные привлекаются для речевой характеристики героев-интеллектуалов, ... для отражения духовного мира лирического героя...» [23, с. 217].

Что касается рассказа М. Буйрукчу, то полученный языковой материал свидетельствует о сравнительно небольшом разнообразии словообразовательных формантов с транспозиционным словообразовательным значением. Всего нами было отмечено 128 лексем-транспозитов, что составляет 23,9% от общего количества (*oluşunu* (возникновение), *istenmemesini* (требование), *sorulmasını* (спрос), *tamamlanmasını* (дополнение), *yaşamını* (жизнь), *sorunları* (проблема), *güzellikler* (красота), *duygular* (чувство), *utanmayı* (стыд), *kokularla* (запах), *sıkıntıyla* (томление), *boşluklarla* (пустота) и т. д.), из чего можно сделать вывод, что семантика абстрактности присуща турецкому языку в меньшей степени, нежели семантика конкретизации (мутационное словообразовательное значение). Данное свойство проявляется в полисемии формантов, когда присоединение аффикса наделяет дериват сразу несколькими дополнительными значениями (форма, образ, результат действия и т. д.). Тем не менее, активность использования отглагольных лексем свидетельствует о процессуальном характере турецкого языка. Исследователи отмечают особый статус имени действия в турецком языке, которое выражает «результат опредмечивания процесса» и не имеет в своём значении «ни агентивной семы (которая сигнализировала бы о том, что предмет, называемый определяемым, является производителем действия, называемого глагольной основой), ни временных сем» [28, с. 8].

2.2 Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением

Дериваты с мутационным словообразовательным значением охватывают все производные, семантика которых радикально отличается от значений производящих, например: существительные со значением «место» (*сахарница* «там, где хранят сахар», *слоновник* «там, где содержат слонов», *читалка* «там, где читают книги, журналы и т.п.»), существительные со значением «лицо» (*игрок* «тот, кто играет», *лгун* «тот, кто лжёт», *строитель* «тот, кто строит»).

2.2.1 Модель образования: глагол → существительное

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением, представленные в рассказах В. С. Токаревой (Приложение 1, таблица 2)

Общее количество единиц – 146.

Способы образования:

- 1) основной: суффиксация – 145 единиц;
- 2) субстантивация причастий – 1 единица.

Общее словообразовательное значение ‘носитель процессуального признака’ конкретизируется в 7 частных значениях.

Класс «имена лиц» представлен двумя частными значениями (48 единиц):

- 1) 'лицо – производитель действия' – 47 единиц;
- 2) 'лицо – объект действия' – 1 единица.

Наиболее частотный суффикс в данном классе – *-тель-* (18). Это общепредметный и общереляционный семантически инвариантный специализированный суффикс со значением 'лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом'¹.

Класс «имена предметов» представлен пятью частными значениями (98 единиц):

- 1) 'предмет, являющийся объектом или результатом действия' – 57 единиц (*шутка, подарок, устройство, отметка, ошибка, преступление, рисунок, письмо, песня, царапина, вмятина, показатель, прозвище и т.д.*);
- 2) 'предмет, служащий для выполнения действия, прибор, инструмент' — 19 единиц (*обложка, вешалка, звонок, морозилка, мялка, погремушка, игрушка, украшение, поднос, мельница, мыло, бритва, холодильник и т. д.*);
- 3) 'вещество, материал, явившееся результатом или объектом действия' – 5 единиц (*закуска, еда, варенье, питье, выпитое*);
- 4) 'место, служащее для выполнения действия' – 12 единиц (*строение, постройка, спальня, имение, помещение, забегаловка, редакция, купальня и т.д.*);
- 5) 'документ, характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом' – 6 единиц (*записка, заявление, приглашение, справка, прописка, объявление*).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 12 (8,2%); в классе «имена лиц» преобладают единицы высокого стиля – 4 (*творец, создатель, выразитель, обитатель*) и представлены единицы разговорного стиля – 3 (*обжора, размазня, выскочка*); в классе «имена предметов» представлена лексика, относящаяся к разговорному стилю, – 4 (*сквозняк, раздевалка, забегаловка, прозвище*), а также отмечено наличие единичного деривата, относящегося к высокому стилю, – 1 (*молитва*).

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением, представленные в рассказе М. Буйрукчу (Приложение 2, таблица 2)

Общее количество единиц – 278.

Способ образования: суффиксация – 278 единиц.

Общее словообразовательное значение 'носитель процессуального

¹ Здесь и далее словообразовательное значение русских производных слов, относящихся к разным словообразовательным типам, указывается по «Русской грамматике». См.: Русская грамматика. Т. I. — М.: Наука, 1980. — С. 142, 168, 177, 183, 267.

признака' конкретизируется в 5 частных значениях.

Класс «имена лиц» представлен одним частным значением: 'лицо – производитель действия' (7 единиц) (*yaraticısı* (созидатель), *saticısı* (продавец), *kurtarıcı* (освободитель), *dilencilerin* (Попрошайка), *ölü* (мертвец), *bakan* (смотрящий)).

Наиболее частотный суффикс в данном классе – *-cı-* (4). Это общепредметный и общепредметный семантически инвариантный специализированный суффикс со значением 'лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом'² (*yaraticısı* (созидатель), *saticısı* (продавец), *kurtarıcı* (освободитель)).

Класс «имена предметов» представлен четырьмя частными значениями (271 единица):

1) 'явление, характеризующееся наличием того, что названо мотивирующим словом' – 250 единиц (*dadanan* (пристращающийся), *sunan* (направляющий), *kalan* (остающийся), *giden* (уходящий), *sinen* (проникающий), *kesilen* (резанный), *aldıkları* (взятый), *uğradığı* (зашедший), *eridiğini* (таявший), *işittikleri* (услышанный), *attığı* (брошенный), *taktığı* (навешанный), *olduğunu* (совершенный), *kurdukları* (построенный), *durdukları* (остановленный) и т.д.);

2) 'предмет, являющийся объектом или результатом действия' – 17 единиц (*yatağa* (постель), *sorunları* (проблема), *düşüncelerden* (мысль), *duygular* (чувство), *uyan* (рассекающий), *giysi* (одежда), *anlam* (понятие), *bakışı* (взгляд), *düşsel* (сновидение), *bağışlama* (прощение), *suçlama* (обвинение) и т.д.)

3) 'явление, ставшее результатом или объектом действия' – 2 единицы (*yangın* (пожар), *olayların* (событие))

4) 'место, служащее для выполнения действия либо являющееся результатом действия' – 2 единицы (*sergisinden* (выставка), *yapılara* (строение)).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 38 (13,6%); в классе «имена лиц» преобладают единицы разговорного стиля – 3 (*dolandırıcı* (обманик), *ölü* (мертвец), *dilencilerin* (Попрошайка)), и представлены единицы высокого стиля – 2 (*kurtarıcı* (освободитель), *yaraticısı* (созидатель)); в классе «имена предметов» представлена лексика, относящаяся высокому стилю, – 29 (*deviren* (валяющийся), *sarkan* (свеивающийся), *savurduğu* (сеянный), *sevişen* (совокупляющийся)), а также отмечено наличие просторечий – 4 (*sarhoşlayan* (пьяняющий), *kusan* (рвущий), *sevişen* (совокупляющийся), *deliren* (сходящий с ума)).

² Здесь и далее словообразовательное значение турецких производных слов, относящихся к разным словообразовательным типам, указывается по «Грамматике турецкого языка». См.: Гениш. Э. Грамматика турецкого языка. – Т. 3. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 101 – 124.

2.2.2 Модель образования: прилагательное → существительное

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением, представленные в рассказах В. С. Токаревой (Приложение 1, таблица 2)

Общее количество единиц – 99.

Способы образования:

1. доминирует: субстантивация – 64 единицы;

2. суффиксация – 35 единиц.

Общее словообразовательное значение 'носитель непроцессуального признака' конкретизируется в 7 частных значениях.

Класс «имена лиц» представлен одним частным значением: 'лицо — носитель непроцессуального признака' (55 единиц) (*безбилетник, хищник, развратник, посредственность, личность, портной, последний, знакомый, подлец, иностранец и т. д.*).

Класс «имена предметов» представлен шестью частными значениями (44 единицы):

1) 'предмет или явление, носитель непроцессуального признака' – 11 единиц (*гласный, согласный, слагаемое, прямая, собственность, недвижимость, внутренность, подлинник, треугольник, подстрочник, мелочь*).

2) 'пространство, территория, характеризующиеся непроцессуальным признаком' – 3 единицы (*преисподняя, мостовая, пустыня*).

3) 'вещество, материал, носитель непроцессуального признака' – 3 единицы (*горячее, белок, снотворное*).

4) 'понятие, характеризующееся непроцессуальным признаком' – 1 единица (*сквозняк*).

5) 'помещение, вместилище, характеризующееся непроцессуальным признаком' – 14 единиц (*пельменная, столовая, учительская, булочная, мостовая, больница, гостиница, жильё и т. д.*).

6) 'явление, носитель непроцессуального признака' – 12 единиц (*смешное, главное, грустное, разница и т. д.*).

Стилистически окрашенных единиц представлено 10 (10,1%), из них в классе «имена лиц» нами отмечено 7 лексем разговорного стиля (*безбилетник, зануда, мерзавец, пьянь*), 2 лексемы высокого стиля (*живущий, смотрящий*); в классе «имена предметов» представлены лишь дериваты, относящиеся к высокому стилю – 1 единица (*преисподняя*).

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением, представленные в рассказе М. Буйрукчу (Приложение 2, таблица 2)

Общее количество единиц – 13.

Способ образования: суффиксация – 13 единиц.

Общее словообразовательное значение 'носитель непроцессуального признака' конкретизируется в 5 частных значениях.

Класс «имена лиц» представлен одним частным значением: 'лицо – носитель непроцессуального признака' (2 единицы) (*kaçakçı* (контрабандист), *hayranlıkla* (фанатизм)).

Класс «имена предметов» представлен четырьмя частными значениями (11 единиц):

1) 'предмет, носитель непроцессуального признака' – 1 единица (*korukluklar* (обрыв)).

2) 'пространство, территория, характеризующееся непроцессуальным признаком' – 1 единица (*düzlükler* (ровное место)).

3) 'явление, носитель непроцессуального признака' – 8 единиц (*iyilik* (благополучие), *aşağılık* (низкое положение), *egemenliği* (суверенитет), *sessizce* (тишина) и т. д.).

4) 'понятие, характеризующееся непроцессуальным признаком' – 1 единица (*pisliğine* (грязь)).

Стилистически окрашенных единиц представлено 6 (46,1%), из них в классе «имена лиц» нами отмечена 1 лексема разговорного стиля (*kaçakçı* (контрабандист)); в классе «имена предметов» представлены дериваты, относящиеся к высокому стилю – 3 единицы (*karşılığında* (соответствие), *egemenliği* (с суверенитет), *korukluklar* (обрыв)), и к разговорному стилю – 2 единицы (*uğursuzlukların* (дурное предзнаменование), *aşağılık* (низкое положение)).

2.2.3 Модель образования: существительное → существительное

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением, представленные в рассказах В. С. Токаревой (Приложение 1, таблица 2)

Общее количество единиц – 96.

Способы образования:

1. доминирует: суффиксация – 78 единиц;

2. префиксация – 5 единиц;

3. префиксально-суффиксальный способ – 13 единиц.

Общее словообразовательное значение 'носитель предметного признака' конкретизируется в 10 частных значениях.

Класс «имена лиц» представлен двумя частными значениями (57 единиц):

1) 'лицо – носитель предметного признака' – 54 единицы

(психоаналитик, хирург, эфиоп, японец, англичанин, парижанин, часовщик, троечник, смертник, терапевт и т. д.);

2) 'животные и продукты их жизнедеятельности' – 3 единицы (*тигрёнок, капустаница и т. д.*).

Самый частотный суффикс – -0- (9) со значением 'предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом'.

Класс «имена предметов» представлен восемью частными значениями (39 единиц):

1) 'помещение, место, территория' – 5 единиц (*местность, изголовье, подножие, предгорье, переулок*);

2) 'род деятельности' – 3 единицы (*жительство, строительство, соседство*);

3) 'предмет, орудие, приспособление, часть предмета' – 16 единиц (*сахарница, хлебница, чернильница, приёмник, учебник, пилотка, решетка, фонемоида, синусоида, статуэтка, сценарий и т. д.*);

4) 'политическая система, явление' – 1 единица (*демократизм*);

5) 'явление, состояние' – 8 единиц (*предательство, детство, интоксикация, энергетика, сопонимание и т. д.*);

6) 'вещество, материал' – 1 единица (*лекарство*);

7) 'организация, учреждение' – 1 единица (*регистратура*);

8) 'часть тела' – 4 единицы (*позвоночник, поясница, переносица и т. д.*).

При богатом разнообразии суффиксов самым частотным является суффикс -ств- (7).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 8 (8,3%). Семь стилистически окрашенных наименований лиц принадлежат разговорному стилю (*двоечник, косметичка, бабник*). Из класса «имена предметов» 1 лексема относится к грубо просторечной лексике (*блядство*).

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением, представленные в рассказе М. Буйрукчу (Приложение 2, таблица 2)

Общее количество единиц – 96.

Способ образования: суффиксация – 96 единиц.

Общее словообразовательное значение 'носитель предметного признака' конкретизируется в 6 частных значениях.

Класс «имена лиц» представлен одним частным значением: 'лицо – носитель предметного признака' (19 единиц) (*kumcular (торговец песком), havacı (пилот), yolcu (путник), gemici (судовладелец), idamlıklar (приговорённый к смертной казни), alkoliklerden (алкоголик), barbutçular (играющий barbut), balıkçılara (рыбак), emekçiler (труженик) и т. д.*)

Самый частотный суффикс – *-ci- / -çi- / -cu- / -çu-* (11) со значением ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’.

Класс «имена предметов» представлен восемью частными значениями (77 единиц):

1) ‘помещение, место, территория’ – 4 единицы (*ortalık* (окружающая местность), *ormanlık* (лесистая местность), *aralığı* (расстояние), *bataklık* (болотистое место));

2) ‘род деятельности’ – 10 единиц (*babalık* (отчим), *ustalıkla* (мастерство), *askerlik* (военная служба), *lağımçılık* (ассенизаторство), *berberlik* (парикмахерство), *biletçiliği* (кондукторство) и т. д.);

3) ‘явление, характеризующееся наличием того, что названо мотивирующим словом’ – 55 единиц (*kuşulu* (колодезный), *asılı* (горестный), *çakıllı* (галечный), *onurlu* (самолюбивый), *yarık* (расщелина), *kişilik* (человечность), *çimenliğe* (травяное место), *ötekileri* (другой), *günkü* (обыденный) и т. д.);

4) ‘одежда’ – 1 единица (*gelinlik* (свадебное платье));

5) ‘явление, состояние’ – 4 единицы (*hırsızlık* (воровство), *güvenliği* (безопасность), *aptallığı* (глупость), *ansızın* (внезапно)).

При богатом разнообразии суффиксов самым частотным является суффикс *-li- / -lu-* (46).

Общее количество стилистически окрашенных единиц – 23 (23,9%). Все (3) стилистически окрашенные наименования лиц принадлежат разговорному стилю (*alkoliklerden* (алкоголик), *soyguncu* (грабитель), *esrarkeşleri* (наркоман)). Из класса «имена предметов» 4 лексемы относятся к разговорному стилю (*sidikli* (тот, который мочится в штаны), *esrarlı* (гашиш), *hırsızlık* (воровство), *vebalıymış* (чумной)); 11 лексем принадлежат высокому стилю (*düşsel* (сновидение), *uyumlu* (гармония), *ustalıkla* (мастерство), *muhbirlik* (осведомительная работа)); 5 лексем являются просторечиями (*aptallığı* (глупость), *süzamlıymış* (прокажённый), *kirli* (грязный)).

2.2.4 Модели образования: числительное → существительное, местоимение → существительное, наречие → существительное

Наиболее слабо представленные модели образования: в рассказах В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость» и «Этот лучший из миров» лишь 9 лексем образованы от имен числительных, в рассказе М. Буйрукчу представлено 3 деривата, образованных от местоимения и наречия соответственно. В группу

отнумеративных лексем входят существительные с частным значением 'неодушевленный предмет' (8 лексем), образованные с помощью суффиксов -ак-, -к-, -н- (*тройка, четверка, десятка, двойка, пятерня, пятак*), имена существительные с частным значением 'лицо (одушевленный предмет)' (4 лексем), образованные в результате субстантивации порядкового числительного (*первый, второй*) и с помощью суффикса -ер- (*миллионер, миллиардер*), и имена существительные с частным значением 'вещество' (2 лексем), образованные посредством субстантивации порядкового числительного (*первое, второе*). Модели образования «наречие → существительное» и «местоимение → существительное» представлены лишь у М. Буйрукчу лексемами с частными значениями 'явление' (отпрономинативный дериват *benliğiyle (свойство)*) и 'лицо' (отадъективные производные *içeridekilerindi (том, который внутри чего-л.), sahici (верный)*).

Производные имена существительные с **мутационным словообразовательным значением** в рассказах В. С. Токаревой по частотности употребления уступают словам с транспозиционным словообразовательным значением (290 единиц, около 30,3% от общего количества дериватов, исследованных в рассказах В. С. Токаревой), однако в данной группе производных слов сконцентрированы производные лексем с фразеологической семантикой и сложной семантической структурой, способные употребляться и в прямом, и в переносном значениях и приобретать в тексте дополнительные смыслы и множественность семантических интерпретаций (*переводчик, подранок, творец, размазня, мойка, косметичка, мелочь, преисподняя, безбилетник, посредственность и другие*). Здесь же представлены наиболее значимые для идиостиля писательницы классы слов:

- имена лиц (*учитель, певец, ученик, знакомый, развратник, старик, хирург, американец, часовщик, милиционер, смертник, японец и др.*);
- имена предметов (*приемник, обложка, бритва, повозка, рисунок, наушник, сахарница, подоконник, письмо, осколок, вешалка и др.*);
- номинации документов (*записка, справка, заявление, прописка, объявление, и др.*);
- номинации помещений, вместилищ (*строение, жилище, купальня, пельменная, больница, гостиница*) и т.д.

Следует отметить, что во всех проанализированных нами произведениях среди существительных, реализующих мутационное словообразовательное значение, значительное место занимают именно номинации лиц (164 лексем). Наиболее продуктивным суффиксом у существительных, образованных от глаголов, является суффикс -тель- (18 единиц); у существительных, образованных от прилагательных, наиболее продуктивным способом является эллиптическая субстантивация (34 единицы); у существительных,

образованных от существительных, – нулевой суффикс -0- (9 единиц). Многие номинации лиц обладают яркой эмоциональной окраской (*красавец, пьянь, пьяница, подлец, дик арь, пошляк, бродяга и др.*), даже дополнительным просторечным значением (*развратник, обжора, проныра, задира, грубиян, работага, кутила, немочь, упрямец, храбрец, здоровяк, мерзавец*), что говорит о важнейшем свойстве прозы XX века — ориентации на неискушенного, «простого» читателя.

В рассказе М. Буйрукчу, напротив, в количественном отношении среди всех производных имен существительных выделяются имена существительные с мутационным словообразовательным значением (388 лексем, что составляет 72,6% от общего количества) – *lağımcılık* (ассенизаторство), *gezinenler* (гуляющий), *berberlik* (напикмахерство), *biletçiliği* (кондукторство), *giysi* (одежда), *kaynattığı* (кипяченный), *sessizce* (бесшумно), *ayarlayan* (регулирующий), *artistlik* (группа артистов), *yemin ettikleri* (клятый), *balıkçılara* (рыбак), *işçilerinden* (рабочий), *kışkırtılmış* (провоцируемый), *boşaltacak* (разгружающий), *yükselen* (возвысивший), *seven* (любящий) и т.д.). Большую часть указанных дериватов составляют отглагольные дериваты (278 единиц, наиболее продуктивным является суффикс -an- / -en- – 126 лексем). Такое доминирующее положение глагола и его производных в турецком тексте связано с тем, что, во-первых, они представляют собой чрезвычайно развитую категорию словоизменительных морфологических форм со сложной семантикой; во-вторых, характеризуются высокой производительностью; в-третьих, обуславливают одну из особенностей турецкого синтаксиса, заключающуюся в том, что тюркские языки в значительной мере не испытывают потребности как в сочинительных, так и в подчинительных союзах, а также в придаточных предложениях индоевропейского типа. Лексемы такого типа, по словам О. Дениз-Йылмаз, «характеризуются способностью выполнять две функции вторичного гипостазирования: 1) передавать «опредмеченное» действие, т. е. действие, представляемое как предмет; 2) передавать действие, представляемое как признак» [28, с. 9]. Этим объясняется и большое количество субстантивно-адъективных дериватов, обозначающих ‘явление, характеризующееся наличием того, что названо мотивирующим словом’ (55 лексем, наиболее продуктивен специализированный суффикс -li- / -lu- – 46 единиц). Такие производные также синкретичны (значение опредмеченного признака), это подчеркивает доминирующую функцию семы описательности субстантивных дериватов в турецком языке.

2.3 Производные имена существительные с модификационным словообразовательным значением

Дериваты с модификационным словообразовательным значением лишь модифицируют значения производящих. К ним относятся:

- а) производные (существительные, прилагательные, наречия) с размерно-оценочным значением (значением субъективной оценки) – *письмецо, пальтишко, беленький, синеватый, немножечко* и др.;
- б) существительные со значением единичности – *фасолина, снежинка* и др.;
- в) существительные со значением собирательности – *студенчество, генералитет* и др.;
- г) существительные со значением невзрослости – *котёнок, волчонок, поварёнок* и др.;
- д) глаголы, выражающие количественно-временные модификации действия («начало действия», «конец действия» и др.) – *запеть, дочитать* и др.;
- е) существительные со значением женскости – *повариха, актриса, учительница, слониха, медведица* и др.

2.3.1 Модель образования: существительное → существительное

Производные имена существительные с модификационным словообразовательным значением в рассказах В. С. Токаревой (Приложение 1, таблица 3)

Это особая группа существительных. «Модификационное словообразование противопоставлено мутационному. Оно покоится на универсальных категориях (типа «женскость», «невзрослость», «единичность», «собирательность» и т.д.), которые присущи многим народам и языкам» [32, с. 34].

В рассказах В. С. Токаревой отмечено всего 186 лексем (19,4% от общего количества). В данной группе слов основное место занимают субъективно-оценочные имена существительные (112 единиц). В художественной речи сложилась давняя традиция стилистического использования слов, содержащих дополнительную коннотативную сему. Они служат средством экспрессивизации текста и придают оттенок разговорности, непринужденности. «В современном русском языке происходит процесс стилистического упрощения уменьшительно-ласкательных слов. В живой речи они часто употребляются без всякого стилистического задания, как своеобразная форма разговорности. Обилие экспрессивных вариантов с уменьшительными, уничижительными и ласкательными суффиксами является характерной чертой современных бытовых диалогов. Введение такой лексики в разговор сообщает ему

фамильярную окраску, интимную, иногда выражает сочувствие, иронию и во всех случаях придает речи характер живой, непринужденной беседы» [32, с. 200]. Наиболее частотны имена существительные, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов *-к-* / *-ок-* / *-ек-* / *-ик-* / *-очк-* (так называемых суффиксов субъективной оценки): *яичко, глазки, щипчики, человечек, ушки, усики, ниточка, минуточка* и др. Характерная особенность производных существительных с модификационным значением – ярко выраженная экспрессивность и эмоциональность, которая может быть как первичной (обусловлено экспрессивностью словообразовательного форманта): *рюмочка, семечка, листики, старикашка*; так и вторичной (обусловлено экспрессивностью производящей базы): *нахалка, дурак, гадина* и др. Причем следует отметить, что к разговорной речи относится лишь малая часть лексики (0,5%).

Имена существительные с модификационным словообразовательным значением распределены неравномерно. Это связано с тем, что В. С. Токарева намеренно использует существительные с субъективно-оценочным значением для внешней (описание наружности) и внутренней (речь) характеристики персонажей.

Производные имена существительные с модификационным словообразовательным значением, представленные в рассказе М. Буйрукчу (Приложение 2, таблица 3)

В указанном тексте отмечено всего 18 лексем (3,4% от общего количества). В данной группе слов основное место занимают имена существительные со значением ‘отсутствие признака’ (15 единиц). Наиболее продуктивным является неспециализированный инвариантный суффикс *-siz-* / *-süz-* / *-süz*, обозначающий ‘отсутствие того, что названо мотивирующим словом’ (*vicdansız* (бессовестный), *sütsüz* (подлый), *uğursuzun* (невезучий), *tanımsız* (без описания), *huysuz* (вздорный), *dalgasız* (без волны), *isteksiz* (не имеющий желаний), *kafasızım* (безмозглый), *kararsız* (нерешительный), *susuz* (безводный), *kılçıksız* (не имеющий костей), *damarsız* (не имеющий жилки), *namussuzlar* (бесчестный) и т. д.). Данные лексемы во всех случаях вводятся автором в текст исключительно для констатации факта отсутствия чего-либо. Случаев, когда рассматриваемые модификаты являются оппозирующими в антонимической паре, нами не обнаружено. Следует, однако, отметить наличие эмоционально окрашенных дериватов – 7 единиц (32%), обладающих отрицательной корневой коннотацией. Интересен также тот факт, что нами не было найдено ни одной лексемы с субъективной оценкой. Исследователь Э. Гениш отмечает малоупотребительность подобных лексем и указывает на аналитичность выражения значений уменьшительности и ласкательности (использование прилагательных *маленький, большой* и т. д.).

А. Н. Кононов образования подобного рода не относит к производным словам, а считает их формами базовых существительных: «Формы субъективной оценки в турецком языке отличаются той особенностью, что аффиксальным способом образуются лишь формы с уменьшительно-ласкательным или, реже, уменьшительно-уничижительным значением, а увеличительные, резко пренебрежительные и другие эмоциональные значения передаются способом синтаксическим или морфолого-синтаксическим...» [46, с. 112].

2.4 Производные имена существительные с синтагматическим словообразовательным значением, представленные в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу

К сфере синтагматического словообразовательного значения относятся производные, образованные путем сложения, сращения или аббревиации.

Среди существительных, относящихся к словообразовательным типам с синтагматическим словообразовательным значением, представлены лишь единицы, образованные способом аббревиации. В языке прозы В. С. Токаревой (15 единиц, 1,5% от общего количества) среди сложносокращенных образований выделяются следующие:

- лица (*бомж, завхоз, завуч*);
- организации (*спортзал, УПК, педсовет*);
- учреждения (*ветлечебница, ЖЭК, зоопарк, иняз, Москонцерт*);
- заболевания (*СПИД*);
- одежда (*униформа*);
- финансы (*зарплата*);
- деятельность (*физкультура*).

Как мы можем отметить, активное использование аббревиатур является отличительной чертой языка прозы второй половины XX века, так как данные лексемы отражают реалии того времени и подчеркивают особенности колорита данной эпохи.

Существительных, относящихся к смешанным словообразовательным типам с синтагматическим и мутационным словообразовательным значением, образованных при помощи чистого сложения и сложения с суффиксацией в рассказах В. С. Токаревой отмечено 37 единиц (3,8% от общего количества), в рассказе М. Буйрукчу – 13 единиц. Выделяются дериваты со следующей семантикой:

- номинации лиц (*кинокритик, бармен, квартиросъемщик, водолаз; yüzbaşı (капитан), kabadayılar (смельчак) и т.д.*);
- номинации видов деятельности (*взаимоотношения, кинопроцесс, круговорот, самоубийство*);

- номинации приспособлений, агрегатов (*противогаз, пулемет, фотоаппарат*);
- номинации помещений (*новостройка, общежитие, фотолаборатория*);
- номинации видов транспорта (*самолет, пароход*);
- номинации отвлеченных понятий (*идеология, милосердие*);
- номинации растений (*лук-порей*);
- номинации животных (*носорог*);
- номинации предметов (*самородок, рукопись*);
- номинации мест (*Hisardibi (название места), Yenikarı (название места), Kumkarı (название места), Sarıkaya (название места) и т.д.*);
- номинации частей тела (*gözkapaklarının (веко)*).

Слов-универбатов представлено лишь 3 (*грузовик, марганцовка, психушка*).

Выводы по главе 2

Проанализировав собранный нами языковой материал с точки зрения его структурно-семантических характеристик, мы пришли к следующим выводам.

1. В количественном отношении среди производных имен существительных, встречающихся в рассказах В. С. Токаревой, выделяются имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением (361 лексема, что составляет около 37,7% от общего количества). Это свидетельствует о стремлении автора варьировать способ выражения одного и того же значения и семантической спрессованности языкового материала. В рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*) транспозитов нами было найдено меньше (128 единиц, что составляет 23,9% от общего количества), однако активность использования отглагольных лексем свидетельствует о процессуальном характере турецкого языка и о функциональной необходимости в речи таких дериватов: «подобные имена несколько не теряют своих глагольных свойств, а лишь только оперативно, временно опредмечивают действия, позволяя лексеме выполнять субстантивные синтаксические функции» [28, с. 15].

2. Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением в языке прозы В. С. Токаревой по частотности употребления уступают словам с транспозиционным словообразовательным значением (290 единиц, около 30,3% от общего количества), однако в данной группе производных слов сконцентрированы производные лексемы с фразеологической семантикой и сложной

семантической структурой, способные употребляться и в прямом, и в переносном значениях и приобретать в тексте дополнительные смыслы и множественность семантических интерпретаций.

В рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*) имена существительные с мутационным словообразовательным значением выделяются в количественном отношении (388 лексем, что составляет 72,6% от общего количества). Большую часть указанных дериватов составляют отглагольные дериваты (278 единиц, наиболее продуктивным является суффикс *-an- / -en-* – 126 лексем), что объясняется синкретичной природой таких образований и их способностью в турецком языке одновременно передавать «опредмеченное» действие и действие, представляемое как признак.

3. Модификационное словообразовательное значение представлено в значительно меньшей степени среди производных имен существительных, представленных в рассматриваемых нами произведениях: в рассказах В. С. Токаревой отмечено всего 186 лексем (19,4% от общего количества), в рассказе М. Буйрукчу – 18 единиц (3,4% от общего количества). Неравномерное распределение имен существительных с модификационным словообразовательным значением в языке прозы В. С. Токаревой связано с тем, что писательница намеренно использует существительные с субъективно-оценочным значением для внешней (описание наружности) и внутренней (речь) характеристики персонажей. В турецком тексте представлены в подавляющем большинстве имена существительные со значением ‘отсутствие признака’ (15 единиц). Данные лексемы во всех случаях вводятся автором в текст исключительно для констатации факта отсутствия чего-либо. Также отмечается отсутствие модификатов с аффиксами субъективной оценки – исследователи отмечают малоупотребительность подобных лексем и указывают на аналитичность выражения такого рода значений.

4. Среди моделей образования узуальных производных имен существительных лидирующее положение занимает модель «глагол → существительное» (398 русских единиц (41,5% от общего количества) и 364 турецких единицы (68,1% от общего количества)), что свидетельствует о «процессуальном» характере, динамичности языка рассказов В. С. Токаревой и рассказа М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*).

5. Основу эмоционально окрашенного пласта лексики составляют в равном соотношении наименования лиц и наименования отвлеченных признаков (часто со значением состояния, признака, характеризующего лицо), что указывает также на личностную ориентацию героев рассказов В. С. Токаревой и М. Буйрукчу, а кроме того, на их активную оценивающую позицию по отношению к окружающему художественному миру.

Глава 3

Текстообразующие возможности производных имен существительных в русском и турецком языках

Производные слова непосредственно участвуют в коммуникативной организации текста и выполняют те или иные стилистические, прагматические или же коммуникативно-семантические функции.

Следует отметить, что «дифференцированный подход к исследованию функционирования производного слова позволяет провести анализ последнего с точки зрения не только воспринимающего, но и говорящего, осуществив противопоставление актов порождения производного слова актам его восприятия, а также актов воспроизведения готовых единиц номинаций актам их создания в тексте...» [44, с. 2].

Мы обращаемся к тексту как к единице, отражающей, в первую очередь, номинативную, словообразовательную языковую деятельность, а потому выступающей объективным источником суждений о закономерностях функционирования производного слова. Осуществление текстообразующих возможностей производных слов четко прослеживается на уровне реализации синтагматических и парадигматических связей производных имен существительных: выявление закономерностей и особенностей структурной организации текстов на уровне функционирования производящего и производного слова позволяет проследить особенности создания и функционирования последнего в языке рассказов В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость» и «Этот лучший из миров», а также рассказа М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gece» (*Темная половина лица*).

3.1 Синтагматические связи производных слов в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу

В исследованных нами текстах были выявлены две разновидности словообразовательных цепочек, подробно проанализированные ниже (в иллюстрируемых словообразовательных цепочках отношения словообразовательной производности показаны с учетом свертывания и развертывания синтаксических конструкций или контекстуального употребления. Расположение словообразовательных значений производных существительных в данной классификации произведено исходя из частотности фиксации в текстах).

3.1.1 Бинарные словообразовательные цепочки в рассказах В. С. Токаревой

1) глагол → производное существительное с транспозиционным словообразовательным значением:

‘Отвлеченное состояние’ (молчать → молчание; доверять → доверие; болеть → болезнь; любить → любовь; мечтать → мечта; прощаться → прощание; жить → жизнь; дружить → дружба; восхищаться → восхищение; творить → творчество):

Контролера, видимо, хотела сказать мне о роли **доверия** на современном этапе к человеку, о принципе «**доверяй, но проверяй**» и о том, что именно они, контролеры, призваны повышать сознательность граждан... [81, с. 15]

- У меня поясница **болит**, прямо разламывается. Почему бы это?

- Не знаю, - сухо ответил Дима. Ему надоело с утра до вечера слушать про **болезни**... [81, с. 49 - 50]

— Но ведь невозможно жить без **мечты**.

— **Мечтай**, — сказала она... [81, с. 52]

Я как будто **слышала** Мориса внутренним слухом... [81, с. 94]

Мы **молчали**, нас объединяла скорость. **Молчание** было общим... [81, с. 95]

Я себя изжил. А тебе надо всё. И деньги, и **любовь**. Но нельзя **любить** и быть рабом... [81, с. 133]

А может, это — с тепень **доверия**. Он **доверяет** ей безгранично... [81, с. 143]

Похороны Андрея... Какой холодный у него был лоб, когда они **прощались**. Лена наклонилась к его лицу, совсем низко, стала говорить слова. И только верная подруга Нора все поняла. Она поняла, что это не истерика, а нормальное **прощание**... [81, с. 153]

Жизнь Андрея была незамысловатой. Но **жизнь**, если она состоит из любви, смерти и запрета, — всегда незамысловата...

— Я теперь не знаю, как **жить**, — сказала Лена... [81, с. 154]

Любовь стояла в воздухе, но чистая, очищенная от секса. Нора **любила** маму... [81, с. 155]

Мы **дружим** с ней с первого класса. **Дружба** тоже должна включать в себя элемент **восхищения**. Если бы я Викой не **восхищалась**, то я не могла бы с ней **дружить**... [81, с. 176]

Хорошие, интеллигентные люди берут молча то, что им дают, и идут домой. А вступают в контакт с нами такие вот Челки, которым дома скучно и для них склоки заменяют **творчество**. И они **творят**... [81, с. 185]

В приведённых контекстах расположение компонентов словообразовательной пары дистантное, в 55% случаев обратное. Расположение транспозита, характеризующего внешнее (среды, окружения) и внутреннее (человека) состояния, перед мотивирующим словом позволяет автору акцентировать внимание читателя на статическом эмоциональном фоне описываемой сцены, с одной стороны, а также на динамике сюжетного хода, с другой. Необходимо отметить двойное повторение транспозита *жизнь* в одном из указанных случаев, рассмотренных нами в качестве примеров. Данный прием позволяет автору провести тему, заявленную в сложном синтаксическом целом, а также подчеркнуть общее состояние, характеризующее сцену.

‘Отвлеченное действие’ (*переводить* → *перевод*; *выть* → *вой*; *произносить* → *произношение*; *врать* → *враньё*; *звонить* → *звонок*; *аплодировать* → *аплодисменты* и т. д.):

Вдруг он услышал волчий **вой**. [...] Волк **выл**, будто звал... [81, с. 10]

Я встал и начал рассказывать о французском языке вообще, ... о художественном **переводе**, о том, как можно одну и ту же фразу **перевести** по-разному... [81, с. 20]

Помня о фонемоидах, Павлов старался **произносить** слова в нос: хотел продемонстрировать такое **произношение**, чтобы француз не обнаружил в нем иностранца... [81, с. 20]

- Я думаю, что жить без **вранья** лучше, чем **врать**... [81, с. 40]

И в этот момент раздался телефонный **звонок**. Звонил бывший Димин школьный товарищ... [81, с. 50]

Ему **аплодировали** японцы, и американцы, и африканцы. ... А он в своей кабине слушал **аплодисменты** и не мог подняться на ватные ноги... [81, с. 80]

Над столом в красивом рисунке **движутся** его руки. Ни одного лишнего или неточного **движения**... [81, с. 88]

- Я всё время **работаю**. Ты спрашиваешь, кто мой друг? **Работа**... [81, с. 104]

За такие деньги он готов на всё. Кроме **убийства**, конечно... Хотя, как знать... Смотря кого **убить** и за что... [81, с. 124]

То, о чем Нина Демидова тайно мечтала в тиши ночей, Волков **обещал** реально: обломать руки, посадить в тюрьму и даже обговаривал реальные сроки. К **обещаниям** Волкова Маша отнеслась с юмором и продолжала играть... [81, с. 297]

Отглагольные транспозиты, обозначающие действие, призваны подчеркивать динамику повествования и расставлять семантические акценты как на уровне микро-, так и на уровне макротекста. Следует отметить, что находящееся в постпозиции производное слово, как правило, способствует

свертыванию семантики и помогает подчеркнуть общность, двусмысленность ситуации: если действие характеризуется лишь с точки зрения субъекта-производителя данного действия, то транспозит вбирает в себя и характеристику всей ситуации. Е. А. Земская отмечает, что подобные единицы тяготеют к свободному порождению в тексте и не имеют ограничений в сферах функционирования [38, с. 64].

Прилагательное → производное существительное с транспозиционным словообразовательным значением:

‘Отвлеченный признак’ (красивый → красота; робкий → робость; неудовлетворённый → неудовлетворённость; молодой → молодость и т. д.)

Такая манера есть не соответствует светскому этикету, а обнаруживать перед завучем свою несветскость мне не хотелось... [81, с. 21]

В комнате было чисто и уютно, у Регины был красивый четкий профиль, но все это — ее опрятность и красота — оставалось невостребованным... [81, с. 49]

Когда с Димой грубо разговаривали, он становился робким и от робости некорректным... [81, с. 60]

Потребность порождает неудовлетворенность. А неудовлетворённый человек ... полезен социально и симпатичен лично... [81, с. 66]

- А вы могли бы выйти замуж?

- Я? Только за того, кого я любила в молодости. Кто знал меня молодой. А я его знала молодым... [81, с. 154]

- А одиночество страшно?

- Если человек верует, он не одинок. Он не может быть одинок... [81, с. 154]

Дети — существа благодарные, но эта благодарность не возвращалась к Нине, потому что дети никогда не запоминают фамилию художника... [81, с. 294]

Исследователями отмечается необычайная активность категории имени отвлеченного признака, что подтверждается результатами нашего исследования. Кроме того, на уровне синтагматических связей данная категория представлена достаточно широко. Это позволяет говорить о необходимости обобщения признака в тексте, а также о конкретизации атрибутивных отношений между носителем признака и самой атрибуции.

Преобладание слов-транспозитов в рассматриваемых нами текстах, как уже отмечалось ранее, объясняется функциональной необходимостью: существительные с транспозиционным словообразовательным значением существенно преобладают во внешней и внутренней речи главных героев, характеризуя их и акцентируя внимание читателей на социальном

происхождении, профессии и образовании героев. Такие дериваты выполняют также конструктивную функцию: они используются для развертывания синтаксических конструкций, свидетельствуют о стремлении автора варьировать способ интерпретации одного и того же выражения, а также позволяют отразить семантико-грамматическую спрессованность языкового материала. По словам Е. С. Кубряковой, называющей подобный тип словообразования регулярной корреляцией, появление одного из партнеров данной корреляции влечет за собой создание или воспроизведение другого, поэтому действующей «пружиной процесса» исследовательница считает «ассоциативное связывание однокорневых образований»: «Образцом для установления подобной связи оказывается обычно одна из регулярных словообразовательных корреляций данного языка. В основе процессов этого типа лежит интуитивное знание того, что при многих глаголах есть соответствующее ему название осуществляемого им действия или его производителя...» [51, с. 31]. Таким образом, частотность дериватов с транспозиционным словообразовательным значением обусловлена самой семантикой языка и ассоциативным мышлением его носителей. Кроме того, что касается данного текста, то для него характерно расширение семантики в конкретной синтаксической конструкции за счет употребления производного слова в постпозиции по отношению к производящему. Это необходимо для наращивания дополнительного смысла: слова-транспозиты являются средством характеристики главного героя и в то же время отражают его внутренний мир. Нужный эффект достигается именно за счет развертывания синтаксических конструкций.

2) Глагол → производное существительное с мутационным словообразовательным значением:

‘Предмет – носитель процессуального признака’. Дериваты с данным значением в тексте используются как:

а) **родовое понятие** для предметов, являющихся объектом действия в синтаксических конструкциях с мотивирующим словом (*прозвать* → *прозвище*), устраняя таким образом ненужный повтор лексем:

Может, именно за это его прозвали Фараоном... Жена давно ушла, а прозвище осталось... [81, с. 309]

б) **видовое понятие**, выделенное из ряда подобных, которые могут являться объектом действия, названного мотивирующим словом (*есть* → *еда*, *звонить* → *звонок*; *нести* → *поднос*; *бриться* → *бритва*, *мять* → *мялка*):

Там едят натуральную еду, яблоки из сада, и дышат чистым воздухом... [81, с. 8]

Утром Морис поднялся ко мне в комнату, неся на подносе кекс и кофе... [81, с. 93]

Звенел звонок. Это Пантелей включил электрические часы... [81, с. 21]

Можно ли бриться бритвой вашего мужа? [81, с. 66]

*Как сказала бы ее мама: «Как будто **мяли** в **мялках**». Что есть **мялки**? Сильные ладони жизни...* [81, с. 139]

в) **однотипное понятие** по отношению к действию, названному мотивирующим глаголом (*молиться* → *молитва*; *петь* → *песня*):

*Я закрыла глаза и тоже стала **молиться**, хотя **молитв** я не знаю...* [81, с. 80]

*Он очень хорошо читает. И **поёт** песни, он очень хорошо **поёт**...* [81, с. 125]

Производные существительные с общим значением ‘предмет – носитель процессуального признака’ являются своеобразным семантическим конденсатом словосочетания мотивирующего глагола и зависимого слова. «Такой корневой повтор является важным когерентообразующим средством в рамках одного или контактных сверхфразовых единств, а также на более протяженном отрезке текста и в целом произведении. <...> Высокая степень частотности в сочетании с дистантным типом повтора, рассредоточенным по всему тексту, способствует созданию качественно иного вида связности – тематической...» – отмечает исследователь С. А. Глазырина [21, с. 14]

‘Лицо – производитель (субъект) действия’ (*жить* → *житель*; *дрессировать* → *дрессировщик*):

*В квартире Нины **живёт** восемь семей, и на двери прикреплён списочек всех **жильцов** в алфавитном порядке...* [81, с. 30]

*Такие люди считали, что **дрессировщик** имеет дело с кастрированными тиграми, которые отличаются от обычной кошки только размером.*

— *Вы хотите его **дрессировать**?* [81, с. 47]

В первом рассматриваемом нами случае производное имя существительное находится в постпозиции по отношению к производящему. Мы можем наблюдать свертывание целой синтаксической конструкции в одну лексему, что обуславливает в первую очередь компрессию смысла. В этом случае актуализируется и субъект, характеризующийся данным действием, что подчеркивается наличием коррелирующего с производящим словосочетания, имеющего семантический оттенок собирательности («*восемь семей*»). Во втором из указанных случаев дериват расположен в препозиции к производящему, что позволяет акцентировать внимание читателя именно на производителе действия (*nomen agentis*), подчеркивает деятельностный характер производного и динамику развития сюжета. Е. А. Земская считает, что «своеобразие глагола, как части речи, играющей центральную роль в построении предложения, обнаруживается и в структуре словообразовательных пар, имеющих глагол в качестве базового слова. Словообразовательные гнезда

глаголов строятся как реализация валентностей глагола. Глагол называет целую ситуацию, участники которой могут быть поименованы отдельными производными словами. При этом выявляется такая закономерность: не каждая валентность глагола может быть реализована производным словом, но нет производных, которые имели бы семантику отсутствующей у глагола валентности...» [40, с. 115 – 116].

Существительное → производное существительное с мутационным словообразовательным значением:

‘Предмет, явление – носитель предметного признака’ (*тигр* → *тигрёнок*; *хлеб* → *хлебница*; *полено* → *поленница*; *нос* → *переносица*; *голова* → *изголовье*; *улица* → *переулок*):

*Дима поправился, и посвежел, и стал забывать о том времени, когда рядом с ним в комнате жил **тигр**. Но однажды, придя с ночной смены, он лёг спать, и **тигрёнок** приснился ему во сне... [81, с. 64]*

*Ел он быстро – признак хорошего работника, и через пять минут съел всё, включая **хлеб** в **хлебнице** и **сахар** в **сахарнице**... [81, с. 67]*

*Морис открыл эту дверь, и я увидела высокий кованый стеллаж, на котором были сложены берёзовые **поленья**... Пламя быстро и рьяно охватило **поленницу**... [81, с. 103]*

*Юлия наотмашь дала ему пощечину. Из его **носа** пошла кровь... Она усадила его на стул. Положила на **переносицу** холод... [81, с. 132]*

*- А ты где сидела, в **голове** или в ногах?*

*- У **изголовья**, - вспомнила я... [81, с. 177]*

*Фараон надел шляпу и вышел на **улицу**. Только что прошёл тёплый летний дождь, и в **переулках** открывали окна... [81, с. 316]*

Производные со значением ‘предмет, явление – носитель предметного признака’ участвуют в смысловом развертывании темы, связанной с мотивирующим словом, так как являются частью выражаемого им понятия. Ту же функцию в тексте выполняют и дериваты со значением ‘лицо – носитель предметного признака’ (*Париж* → *парижанин*; *беседа* → *собеседник*; *стиль* → *стилист*; *Англия* → *англичанин*; *двойка* → *двоечник*; *часы* → *часовщик*; *касса* → *кассир*):

*Он уже знал одного такого – очень общительного человека, который, когда останавливался для **беседы**, протискивал у **собеседника** сквозь петлю на пальто связку ключей... [81, с. 46]*

*Он приглашал **стилиста**, чтобы ему создали **стиль** дома... [81, с. 90]*

*Вокруг нас на все четыре стороны простирался **Париж**. Толпа **парижан** устремлялась куда-то весело и быстро... [81, с. 118]*

*Мистер – значит **англичанин**... Соколов – русский по происхождению. Но всю жизнь прожил в **Англии**... [81, с. 122]*

У Фараона была своя система: он считал – на пятерку знал только составитель учебника, на четверку знал сам Фараон, а его ученики знали на тройку и на двойку... В его памяти они все оставались **троечниками** и **двоечниками**... [81, с. 309]

Однажды у Нины остановились **часы**, и **часовщик** спросил: «Откуда у вас в часах собачья шерсть?» [81, с. 305]

- Моя работа в том, чтобы **касса** делала полные сборы...

Пантелей – и сторож, и **кассир**, и завхоз... [81, с. 15]

Е. А. Земская отмечает активность в сфере наименований профессий субстантивных основ, создающих ономаσιологические структуры, обозначающие отношение к объекту, предмету и т.д., и интерпретирует данное явление следующим образом: «Слова-характеристики, являясь прежде всего экспрессивным средством языка, не терпят единообразия средств выражения...» [38, с. 67].

Прилагательное → производное существительное с мутационным словообразовательным значением:

‘Лицо – носитель непроцессуального признака’ (**безбилетный (пассажир)** → **безбилетник**, **нудный** → **зануда**).

В данном значении представлены лексемы с общим значением ‘имя пассивного лица’ (*nomen pasientis*), которые, особенно находясь в постпозиции по отношению к производящему, демонстрируют расширение, раскрытие смысла (своеобразное объяснение значения перед непосредственным употреблением деривата):

По своей работе ей приходилось ссориться с **безбилетными** пассажирами... Но такой искренний **безбилетник** контролерше, очевидно, ранее не попадался... [81, с. 14 – 15]

Нудным человеком называется тот, который на вопрос «Как твои дела?» - начинает рассказывать, как его дела...

Женька был **занудой**... [81, с. 65]

В первом случае производное существительное представляет собой универбат и является своеобразным семантическим конденсатом словосочетания мотивирующего прилагательного и определяемого слова, а также помогает охарактеризовать объект речи и показать отношение других персонажей к нему.

Следует отметить и широкое использование В. С. Токаревой субстантивированных имён существительных.

Кандид не понял. Подошел **второй** милиционер.

– Где живешь? – спросил **второй**.

– Из психушки сбежал, – предположил **первый**. – Там они все Наполеоны и Бонапарты.

– Веди его в отделение, – сказал **второй**. – Для выяснения личности... [81, с. 9]

Рабочие и служащие давно **работают и служат**, а те, кто не **работает** и не **служит**, в это время не торопясь одеваются, чистят зубы и завтракают... [81, с. 12]

Теперь понятно, почему этот **известный неизвестный** каждый раз лазит под потолок... [81, с. 19]

На перемене я иду в **столовую**. Мне надо прежде зайти в **учительскую**, положить журнал. Но я туда идти не хочу... [81, с. 21]

Дима вырезать ничего не мог, поэтому он покорно направился в **ванную комнату**. В **ванной** на батарее висели половые тряпки... [81, с. 53]

Вдруг вспомнила, как Коновалов **сказал** на поминках: «Тот, кто пережил экстаз смерти, может лишь смеяться над остальными так называемыми удовольствиями»... Лена тогда не обратила внимания на **сказанное**... [81, с. 156]

Правда, у него есть жена, **мертвый** якорь. Но **мертвому** не место среди **живого**. **Мертвое** надо хоронить. Их корабль выйдет в чистые воды для того, чтобы серьезно работать и серьезно **жить**... [81, с. 166]

Все остальные – **безликие** рядом с ним. **Без лиц**... [81, с. 183]

– Дайте мне, чтобы на **второе**, – ласково начала Тимченко, устанавливая между собой и Фоминой кратчайшее расстояние...

– На **второе** нет – только на **первое**, – взаимно вежливо откликнулась Фомина... [81, с. 311]

Все рассмотренные лексемы представляют собой эллиптические субстантивы, наиболее распространенные в языке. Данные дериваты выполняют в тексте, как правило, компрессионно-смысловую функцию. Это обусловлено сложностью семантики производящих слов, поскольку в результате субстантивации образуются слова, формально соотносимые с одним словом, а семантически – со словосочетанием. В результате этого способа словообразования происходит расширение значения слова за счет включения в него семантики другого. Исследователь У. Н. Фысина полагает, что «причина появления субстантивированных прилагательных и причастий – стремление языка к синтетичности... В современном языке появление и активизация субстантивов обусловлены антропоцентрически. Здесь проявляется и действие закона экономии речевых средств, в этой же области лежит и необходимость номинации новых явлений действительности...» [86, с. 10]. Появление субстантивов в речи персонажей определяется экстралингвистическими факторами. Широкая контекстуальная область распространения существительных адъективного типа склонения доказывает самостоятельность, закреплённость в языке лексем данного класса.

3) Существительное → производное существительное с модификационным словообразовательным значением:

‘Уменьшительность – ласкательность’ (мама → мамочка; ладонь → ладошка; чурка → чурочка; банка → баночка, лицо → личико; лужа → лужица):

- Ну как суп?

- Ничего.

Нинина **мама** посмотрела на меня с удивлением...

- Очень вкусный, **мамочка**, - быстро сказала Нина... [81, с. 35]

- Я понимаю тебя, - печально проговорила Ляля и провела **ладошкой** по худой Диминой щеке... Лялина **ладонь** вдруг показалась Диме холодной и жёсткой... [81, с. 60 – 61]

Я посмотрела на аккуратные **чурочки**, и у меня потекли слёзы... Морис и Мадлен ругаются, выясняются, а за стеной, выложенные буквой «М», лежат и сохнут березовые **чурки**... [81, с. 103]

Официант принёс порцию икры.

- Нет, - сказал Соколов. – **Банку**.

Официант кивнул, он понимал по-английски, и принёс стеклянную стограммовую **баночку** икры... [81, с. 125]

Лена накладывала тон на юное **личико**. Именно **личико**, а не **лицо**... [81, с. 150]

Грязный снег мгновенно таял на полу, превращаясь в тёмные **лужицы**. Вышла жена. Увидела **лужи** на полу, но промолчала... [81, с. 167]

Данное словообразовательное значение обуславливает наполнение лексем ироническим смыслом и является результатом семантической экспрессивности, а синонимия средств его выражения позволила создать в тексте комплексное градуированное обозначение [38, с. 177]. Кроме того, использование данных лексем характеризует отношение субъектов к объекту разговора и, таким образом, помогает авторам наиболее точно создавать характеры главных героев, так как модификаты и их производящие в этом случае отражают речь героев разного социального происхождения и статуса. Также особенностью порождения данного значения можно считать предшествование высказывания об обозначаемом созданной единицы номинации – так называемое дефиниционное словообразование: «Дефиниционное словообразование предполагает мотивацию не словом, а высказыванием, содержащим дефиницию предмета. В мотивирующем суждении непосредственно мотивирующее слово занимает только часть суждения <...>. Использование или образование производного происходит в этом случае как бы в ответ на мысленно поставленный самому себе вопрос о сути обозначаемого и его главных признаках...» [51, с. 36].

‘Лицо женского пола’ (контролер → контролерша, учитель → учительница; пациент → пациентка; сосед → соседка; портной → портниха):

Тут я понял, что она не бл изорука – на оборот, у нее очень хорошее зрение, – и что она **контролер**... **Контролерша** посмотрела на меня с удивлением... [81, с. 14]

Появилась **учительница** пения Лидочка... Пришел наш второй мужчина – **учитель** физкультуры Евгений Иванович... [81, с. 25]

В день, о котором пойдет речь, Дима был вызван к **пациентке**, у которой болело внутри... Дима мог бы достойно возразить, но пререкаться с **пациентами** было запрещено... [81, с. 42]

Он с благодарностью посмотрел на **соседа** и уже не хотел расставаться с тряпкой, стирал ее до тех пор, пока кусок мыла из прямоугольного не превратился в овальный. После того, как Дима развесил на батарее тряпку и уже снимал через голову рубашку, собираясь спать, в дверь заглянула другая **соседка**... [81, с. 54]

Портные, преимущественно женщины, что-то шили в небольшом помещении. Возле стены на кронштейне тесно висели платья. **Портнихи** время от времени поднимали головы и взглядывали на меня – бегло, но внимательно... [81, с. 107]

Следует отметить разнообразие представленных наименований. Во всех представленных случаях это профессиональные наименования, главным образом, соотносимые с существительными мужского рода. Особенностью данных дериватов является возможность их свободного порождения в тексте. Отмеченные факты позволяют говорить о лексическом и семантическом многообразии номинаций лиц женского пола, поскольку, как отмечает Е. А. Земская, данная категория в русском языке немногочисленна.

‘Собирательность’ (директор → дирекция):

Дирекция зоопарка размещалась в одном помещении с певчими птицами... **Директор** сидел за столом и читал какие-то бумаги... [81, с. 45]

Существительные с модификационным словообразовательным значением используются в тексте в основном с целью синонимической замены производящих либо для привнесения дополнительной экспрессивности. Иногда автор вводит их в текст для усиления оценочности. В некоторых случаях производные с модификационным словообразовательным значением играют роль маркеров разговорного стиля (особенно в случаях модификации и универбации).

4) **Существительное/словосочетание** → **производное существительное с соединительным словообразовательным значением** (учебно-производственная практика → УПК):

УПК – это учебно-производственная практика. Мы с Викой проходим практику в магазине... [81, с. 175]

По словам Е. С. Кубряковой, аббревиатуры «помогают понять глубокую связь между мерой эксплицитности в назывании непосредственно мотивирующих слов в рамках сложносокращенного названия и степенью членимости этого образования...» [51, с. 71]. В тексте аббревиатуры выполняют стилистическую функцию: с их помощью передается атмосфера описываемого события, к тому же он способствуют отражению колорита эпохи в произведении. К тому же в первом случае производящее является пояснением, расшифровкой для производного, что лишний раз подчеркивает сатирическую направленность текста.

Существительное / глагол → производное существительное с соединительным словообразовательным значением в сочетании с мутационным словообразовательным значением (*лететь → самолет; сердце → милосердие*):

В молодости это был пьяница, развратник, обжора, драчун и гениальный бизнесмен. Моцарт бизнеса... [81, с. 123]

Бармен смотрел на них из-за стойки своего бара, и было видно, что он все понимает... [81, с. 126]

– Летел пассажирский самолет где-то в горах, кажется. А навстречу ему три орла... [81, с. 35]

Но Елисеев искал милосердия. Милого сердца. И ей тоже нужно было милосердие... [81, с. 146]

Такие производные существительные, как правило, содержат в своем значении компонент 'субъект / объект действия', который эксплицитно отражен в производящем слове, расположенном в постпозиции по отношению к производному. Наличие в постпозиции одного или двух слов-идентификаторов, указывающего на конечные результаты акта наречения, помогает привлечь внимание читателя к объекту действия и способствует проведению темы. Е. С. Кубрякова отмечает: «Отсылочная часть сложного слова формируется как за счет глагольной основы как представителя предиката исходной единицы, так и за счет отнесенной к ней второй полнозначной основы, которая при помещении ее в препозицию оказывается представителем прямого дополнения исходной единицы (объекта действия). Интересно, что объект действия, как и любой другой показатель ролевой структуры слова в высказывании, попадающий в первую позицию, в сложных словах <...> воспринимается в широком смысле этого термина как признак (модификатор, уточнитель) совершаемого действия...» [51, с. 65].

3.1.2 Полинарные словообразовательные цепочки в рассказах В. С. Токаревой

Взаимодействие производящего и производного слов на уровне полинарных словообразовательных цепочек широко представлено в рассказах русского автора, причем следует отметить, что звенья данных цепочек характеризуются различными отношениями между собой, о чем подробнее будет сказано ниже.

А Женька тем временем спокойно спал, уложив щеку на ладонь, и с интересом смотрел свои сны... Может быть, ему снились поющие дети... [81, с. 76]

В данном случае представлена словообразовательная цепочка, отражающая объектно-субъектные отношения. Следует отметить, что объект в рассматриваемом нами сложном синтаксическом целом вынесен отдельно, что позволяет подчеркнуть важность его роли как носителя предметного признака. Данная связь необходима для проведения темы в тексте, а также обеспечивает определенную расстановку семантических акцентов.

Если бы я была миллионерша, я бы занималась благотворительностью, потому что отдать гораздо плодотворнее, чем взять. Но я никогда не буду миллионершей. Я зарабатываю на жизнь честным красивым трудом. А честным трудом миллионов не заработать... И теперь мы сидим в ресторане с миллионером, входящим в первую десятку... [81, с. 88 - 89]

В данном фрагменте словообразовательного гнезда субъектов действия представлено двое. Реализация объектных отношений отражена в вершине указанной цепочки: семантика количественности (*миллион*) совмещается с объектной направленностью, что подчеркивается глаголом в постпозиции (*не заработать*). Свертывание значения в этом случае происходит и на синтаксическом уровне: глагольная семантика ярко отражена в производном существительном, как в носителе значения 'лицо – носитель предметного признака', где данное значение обусловлено мотивирующим словом и входящим в словосочетание с ним глаголом (*миллионер – человек, зарабатывающий миллионы*). Таким образом, в данном фрагменте текста выражаются субъектно-объектно-номинативные отношения, обусловленные общей динамикой рассказа. Также необходимо отметить наличие лексемы со значением женскости, формирующей в контексте семантическую и грамматическую оппозицию, что говорит об отсутствии необходимости у автора акцентировать внимание читателя на процессуальной стороне ситуации и позволяет сконцентрироваться непосредственно на субъекте действия. Тем же целям служит и неполная актуализация мотивационных отношений слов, реализующаяся в отношениях лексической мотивации [9, с. 42] между

компонентами данной словообразовательной цепочки.

Я вдруг поняла, что он хотел сказать. Эфиопия. Я взглядела еще раз. Я слышала, что эфиопы – черные семиты. Девушка была эфиопкой... [81, с. 97]

В данном случае представлена полинарная словообразовательная цепочка, в которой представлены дериваты с ситуационным и модификационным словообразовательными значениями. Причем следует отметить, что члены рассматриваемой нами цепочки расположены в прямом порядке, что, с одной стороны, помогает реализовать текстообразующую функцию однокоренных слов и способствует проведению темы, а с другой стороны, подчеркивает отношение автора к происходящему. Кроме того, сопоставление компонентов данной цепочки способствовало актуализации деривационного значения 'женскость' (что выражает продуктивный неинвариантный суффикс -к-) [38, с. 164].

*Судья сел на стул с высокой спинкой, а по обе стороны от него — народные заседатели, две немолодые женщины. Перед **судейским** столом в первом ряду расположились обе конфликтные стороны: слева Волков с семьей и Максимов, справа — Маша и сопровождающие ее лица, Нина и муж Юра... На задних рядах расселись случайные зрители, преимущественно старухи пенсионерки, любители открытых **судов**... [81, с. 300]*

В данном сложном синтаксическом целом представлены исключительно дериваты с мутационным словообразовательным значением, что свидетельствует о необходимости варьирования номинации при описании конкретной ситуации (обусловлено характером контекста): данный контекст «подкрепляет общую мотивационно-комментирующую направленность ситуации совместного употребления производной и мотивирующей единиц содержащимся в них комментарием относительно действительного содержания производного ...» [44, с. 16]. Номинация субъекта и его атрибуция подчеркивают статический, описательный характер сложного синтаксического целого (*судья, судейский*), а производящее слово, находящееся в постпозиции, позволяет обобщить ситуацию.

3.1.3 Бинарные словообразовательные цепочки, представленные в рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*)

В указанном произведении нами были отмечены единичные случаи порождения деривационных связей на уровне высказывания и сложного синтаксического целого. Наиболее часто в контекстах представлены лишь формы слов, сопровождающиеся грамматическим осложнением, что не рассматривалось в данной работе. Отметим, что синтагматические связи в

рассматриваемом рассказе реализуются лишь на уровне бинарных словообразовательных цепочек.

1) Глагол → производное существительное с мутационным словообразовательным значением:

‘Лицо – производитель действия’ (*kurtarıyordu* → *kurtarıcıya* (спасать → спасатель)):

*Günahlarının kefaletlerini ödemek istercesine dacraniyor, tehlikelerin ağırlığı altında ezilip kendi olanaklarının hepsini zorladıkları halde kurtulmayı başaramayanları **kurtarıyordu**. Kısa sürede adı **kurtarıcıya** çıkmıştı* [1, s. 20].

(Он спасал всех, кто мог спастись, сжавшись от угрожающей ему опасности, желая заплатить за свои грехи. Вскоре его имя стало известно спасателю).

Семантика деятеля в данном случае выражена эксплицитно (значение действия заключено и в корневой, и в аффиксальной морфеме). Человек выступает преимущественно как субъект действия, что говорит о центральной, доминирующей роли человека в художественном мире М. Буйрукчу. Кроме того, необходимо учитывать и контекстную реализацию данных дериватов: как отмечает Н. Н. Клеменцова, в случае актуализации производного слова контекст «выявляет системное значение образования, указывает на выбранное значение у многозначного производного, позволяет предположить одновременную кумуляцию нескольких значений производным, а также фиксирует развитие производным нового значения/оттенка значения» [44, с. 15].

Существительное → производное существительное с мутационным словообразовательным значением:

‘Предмет, явление – носитель предметного признака’ (*hırsızların* → *hırsızlık*; *esrar* → *esrarlı* (вор → воровство; гашиш → «гашишесодержание»)):

*Son günlerde Aksaray'da, Laleli' de, Nişanca'da, Kumkapı'da, ve Yenikapı'nın iç mahallerinde **hırsızlık** olayları artmıştı. **Hırsızların** bazıları 'kıyı güvenlidir' düşüncesiyle buraya gelebilir, kendilerine yaşayabilirdi, açılabilir, **hırsızlıkla** ilgili bir şeyleri ağızlarından çıkarabilirdi* [1, s. 15].

(В последние дни в Аксарая, Лалели, Нишандже, Кумкапы и внутренних кварталах Еникапы участились случаи воровства. Некоторые воры могут прийти сюда с мыслью «берег надёжный», могут причалить, отплыть, провезти через бухту контрабанду).

***Esrarlı** sigarayı herkes ciğerlerindeki güce göre içiyor, dumanlarını ağızlarından salıyorlardı hortumlar halinde.*

*Yanan **esrar**, yanan tütün kokusu karıştı havaya* [1, s. 29].

(Каждый курит сигареты с гашишем в соответствии с силой своих легких...Запах горящего гашиша, горящего табака смешался с воздухом).

В обоих случаях дериват является результатом конструируемой коммуникативной номинации, представленные словообразовательные форманты весьма продуктивны и, в силу аналитического характера турецкого языка, выступают в речи как маркирующие элементы: «Маркирующий элемент должен восприниматься как рематическая часть бывшей развёрнутой коммуникативной номинации. Родовой элемент осознаётся с опорой на контекст, через восстановление ремы прежней развёрнутой коммуникативной номинации. Поэтому сконструированная коммуникативная номинация в принципе соответствует той развёрнутой коммуникативной номинации – *сообщению* [курсив автора – Г. Я.], из которой был получен универб...» [45, с. 7].

Малочисленность случаев прямого порождения деривата в турецком тексте свидетельствует о сложности данного явления, сопровождающегося не столько дублированием грамматических характеристик субъекта / объекта / предиката в производных именах, сколько фактом своеобразного выявления лишь части этих характеристик в содержательной структуре последних.

3.2 Парадигматические связи производных слов, отмеченные в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу

Данные деривационные связи реализуются в тексте на уровне словообразовательной парадигмы и словообразовательного гнезда (представлены производные одной из указанных единиц, находящиеся на разных ступенях деривации).

3.2.1 Взаимодействие производящего и производного слова, представленное на уровне словообразовательной парадигмы в рассказах В. С. Токаревой и М. Буйрукчу

В тексте также обнаруживаются более сложные отношения между производящим и производным словами – уже на уровне словообразовательной парадигмы. В таком случае дериваты несут большую функциональную и смысловую нагрузку, таким образом позволяя авторам реализовать различные приемы языковой игры, а также расставить необходимые смысловые акценты. Данные взаимодействия представлены во всех произведениях, что говорит о необходимости сильной семантической акцентуации на теме повествования.

Но Кандид все-таки любил жизнь и, оказавшись на лестнице, испугался и побежал вверх... Люди решили, что это беженец из горячей точки... [81, с. 6]

В данном примере представлен фрагмент словообразовательной

парадигмы: фазисный глагол совершенного вида и номинация лица – производителя действия (вершина парадигмы опущена, что свидетельствует об акценте на внутренней форме производных слов). Использование данных лексем в тексте позволяет подчеркнуть динамику сюжета и указать на предел действия (начало). Кроме того, в субстантивном деривате наблюдается дополнительное приращение смысла – метафорическое переосмысление семантики производящего слова, что обусловлено его номинативным характером (общечастеречное значение).

*Он догадался, что это тюрьма на колесах. Там было **темно** и пахло мочой. В машине еще кто-то сидел. Привыкнув к **темноте**, Кандид разглядел молоденькую девушку...* [81, с. 9]

В данном контексте слово категории состояния выражает предикативность (значение состояния в данном случае подчеркивает статичность сюжетной линии), семантически совмещенную с двойной атрибутивностью (является адвербиальным производным, а значит, обладает общечастеречной и базовой семами признаковости), однокоренное с ним имя существительное содержит абстрактное значение. Автор актуализирует одновременно и зрительные, и обонятельные ощущения читателя (*темно, пахло мочой*), но акцент делается именно на зрительном восприятии. Это достигается за счет использования субстантивного деривата *темнота*, обозначающего непроцессуальный признак, входящего в деепричастный оборот и позволяющего актуализировать семантику действия в предшествующем и последующем глаголах (*привыкнув, разглядеть*). Данное абстрактное существительное усиливает описательный характер ситуации и помогает акцентировать внимание на некоторой гротескности, карикатурности рисуемой автором ситуации. Этой цели также способствует характер словообразовательных формантов рассматриваемых нами лексем.

*Когда-то я хотел учиться в Литературном институте, на отделении художественного **перевода**, но меня туда не приняли. Окончив иняз, хотел работать **переводчиком**...* [81, с. 13]

В данном фрагменте текста словообразовательная парадигма представлена на уровне производных. Причем первый дериват представляет собой имя существительное с мутационным словообразовательным значением и выражает семантику 'лицо – производитель действия', и это помогает автору выразить свое отношение к герою (через желание показать внутренний мир персонажа), а также подчеркнуть степень динамики в повествовании. Что касается первого деривата, то в данном случае посредством абстрактного существительного реализуется словообразовательное значение 'процессуальный признак', которое усиливает динамический характер ситуации. Кроме того, использование однокоренных слов в данном сложном

синтаксическом целом позволяет синтезировать семантику градации в общей семантике контекста [10, с. 311 — 313]. Практически такая же ситуация выражена и в следующем контексте:

Над столом висел большой карандашный портрет — на нем дрессировщик был изображён в профиль и выглядел редкостным красавцем. Красота — в сантиметрах... [81, с. 57 — 58]

В данном случае на уровне первой ступени деривации используются лексемы, необходимые для номинации (характеристики) лица. Главным образом, эту функцию выполняет существительное с мутационным словообразовательным значением *красавец*, которое обладает положительной коннотацией и в данном случае используется в ироническом смысле (авторская языковая игра). Для усиления комического эффекта В. С. Токарева использует и транспозит (деланно серьёзные рассуждения, включенные в канву повествования для подтверждения слов рассказчика).

Самолет взлетел. Я видела, как человек, сидящий впереди, осенил себя крестом... [81, с. 77]

В данном сложном синтаксическом целом представлен фрагмент словообразовательной парадигмы, причем следует отметить, что в этом случае речь идет о глагольном и сложносuffixальном образованиях. Показательно, что сложное слово представляет собой дериват с соединительным словообразовательным значением подчинительного типа. Семантика второго корня усиливается за счет повтора в представленном кодеривате *взлетел*, завершающем фразу. Этот прием помогает привлечь внимание читателя к определенному темпорально ограниченному состоянию героя, а точнее, к одному, начатому и продолженному состоянию. Своеобразным обобщением и семантическим фоном служит в данном случае глагольный дериват: он словно вбирает в себя всю ситуацию и в то же время является ключевым для данного фрагмента. Кроме того, корневой повтор принимает активное участие в создании категории связности текста, а в данном случае он является важным когерентнообразующим средством в рамках сверхфразового единства, где «создание словообразовательной связности обусловлено семантическими ассоциациями между коррелирующими словами на основе отношений мотивированности» [21, с. 14].

Annemin gönlünü almadan, hele o babalıgım olacak ibneyi razı etmeden bu iş olmaz.

Sonra babalıgımdan korkuyorum.

«Kızın babası neydi?» dedi Hasan.

«Kasap dedik ya...» dedi Hikmet, kayınbabasıyla övündüğünü, kabına sığamadığını sezdiren bir anlam kıpırdıyordu sesinde [1, с. 10].

(Этого нельзя сделать без согласия мамы и еще без одобрения отчима...

*И еще я боюсь своего **отчима**.*

*«А чем занимался **отец** девушки?» - спросил Хасан.*

*«Мясник сказал же...» - сказал Хикмет, но его голосу было ясно, что он гордится своим **местем**...».*

В указанном фрагменте представлены и производящее (*babası (отец)*), и два производных, находящихся на первой ступени деривации (*babalığım (отчим)*, *kaınbabasıyla (тесть)*). Отметим, что в данном случае представлено сразу два способа словообразования (аффиксация (продуктивный суффикс *-lığ-*) и словосложение) а также тот факт, что все три лексемы тесно связаны не только на словообразовательном, но и на семантическом уровне и представляют собой своего рода оппозицию, формирующую лексико-семантическое микрополе. Примечательно, что в русском языке лексема *тесть* в синхронии является непроемной. Таким образом, реализация определенного словообразовательного и семантического значений номинализованным именем предопределяется совокупностью условий семантического, грамматического, собственно синтаксического и стилистического характера: «В основе механизма номинализации лежит возможность их совмещения, демонстрирующего главенствующую роль причин семантического характера» [44, с. 13].

Üçüncü evliliğine hazırlanıyordu birkaç ay önce. Neşeliydi, mutluydu, çünkü evleneceği a damın bir trikotaj atölyesi vardı, ayrıca öteki kocalarından olan üç çocuğuyla Nuri'yi kabul ediyor, sorumluluğunu üstleniyordu [1, s. 25].

*(Она (сестра Нури) начала готовиться к третьему **браку** несколько месяцев назад. Была веселая, счастливая, потому что у человека, за которого она выйдет замуж, была трикотажная мастерская...).*

В указанном фрагменте представлены две производных лексемы, причём обе являются транспозитами. Второй дериват (*evleneceği*) буквально означает сам процесс с указанием на временной предел (в значении 'будущий выход замуж'). Семантически обе лексемы связаны весьма тесно, разница в значении выражена темпорально. Данная языковая ситуация позволяет выразить способность турецкого отглагольного имени к усвоению видовых и залоговых значений мотивирующего его предиката. Таким образом, контексты «чёткого залогового противопоставления членов словообразовательной корреляции» позволяют «дать описание действия или процесса как со стороны субъекта, так и со стороны объекта...» [44, с. 12].

Tedirginliği azalmış, sarhoşluğa doğru yaklaşırken de unutmuştu olanları ve sızmıştı. Sızmadan önce parmaklarının arasına kıştırdığı yanar sigara düşmüş, yorganı tutuşturmuştu. Böyle başlayan yangın bütün evi sarmıştı [1, s. 20].

(Его беспокойство утихло; пьянея, он забыл о них и впал в беспробудный сон. Перед его засыпанием горящая сигарета выпала из сжавшихся пальцев, подожгла одеяло. Так начавшийся пожар охватил весь дом...)

В данном сложном синтаксическом целом также представлены транспозиты одного словообразовательного гнезда, причём в данном случае сема 'состояние' выражена и имплицитно (семантика корня), и эксплицитно (семантика обоих суффиксов указывает на статику действия). Употребление данных слов также подсказано характером турецкоязычного контекста, который позволяет совмещать категориально-семантические признаки с формой, чётко маркированной суффиксом, а также делает суффиксальные производные более броским средством передачи информации в сжатой форме «при ином категориальном видении обозначаемого предмета, связи или признака» [45, с. 8].

3.2.2 Взаимодействие производящего и производного слова, представленное на уровне словообразовательного гнезда в рассказах В. С. Токаревой

В рассматриваемых ниже случаях представлены наиболее сложные отношения между производящим и производным словами — реализация фрагментов словообразовательных гнезд. Данный вид отношений представлен только в рассказах В. С. Токаревой.

*Сегодня ночью мне **приснилась** радуга... Было ощущение счастья, такого полного, которое может прийти только во **сне** и никогда не бывает на самом деле... Я **проснулся**, казалось, именно от этого счастья, но, взглянув на часы, понял: **проснулся** еще и оттого, что **проспал**...* [81, с. 12].

В данном случае представлен фрагмент словообразовательного гнезда, причем все производные являются глаголами совершенного вида, что позволяет продемонстрировать ограниченность определенного состояния героя во времени, а также акцентировать внимание читателя на отвлеченном характере описываемой ситуации. Данные производные способствуют развитию динамики текста, а также подчеркивают некоторую абстрактность происходящего. При этом одно звено из данного фрагмента словообразовательного гнезда пропущено (лексема *сниться*). Данный глагол совершенного вида выражает одномоментное действие, что не способствует стремлению автора подчеркнуть протяженный характер ситуации: обозначено окончание действия (*проснулся*) и делается акцент на длительном пребывании героя в данном состоянии (*проспал*). При этом автор стремился подчеркнуть именно ограниченность действия во времени, так как производящее слово также не представлено в данном сложном синтаксическом целом: семантика

глагола несовершенного вида *спать* не имеет темпоральной ограниченности (непредельный процессуальный признак ситуации [10, с. 369]). Способность данной лексемы передавать темпоральное значение обусловлена, с одной стороны, семантикой корневой морфемы, обладающей темпоральной семой, и отсутствием префикса, способного уточнить темпоральные и фазовые характеристики уже обозначенного явления [21, с. 15].

Муж всегда был ее любовником, но в последнее время стал только добытчиком денег и близким родственником. Видимо, он разлюбил Настю как женщину, но продолжал любить как человека. А это ее не устраивало... Единственный выход – полюбить... [81, с. 105].

В рассматриваемом нами примере фрагмент словообразовательного гнезда представляет собой две перекрещивающиеся словообразовательные структуры: словообразовательную парадигму (*любить* → *разлюбить*, *полюбить*) и полинарную словообразовательную цепочку (*любить* → (*любовь*) → *любовник*). В первой единице производное слово находится в интерпозиции, что обуславливает многовекторное расширение семантики и таким образом позволяет автору более точно и детально описать происходящие события, сделав акцент на семантике фазисности (окончание, продолжение и начало) действия. Что касается словообразовательной цепочки, то в данном случае производное слово находится в препозиции, причем по отношению сразу ко всем однокоренным словам данного словообразовательного гнезда. Здесь наблюдается, в первую очередь, семантическое выдвигание на передний план динамично-описательной стороны эпизода (*любовь* как главное состояние, отражающее специфику описываемых событий) и очень сложное свертывание синтаксической конструкции (*любовь* как основная характеристика ситуации), в результате чего реализуется текстообразующая функция однокоренных слов, организующих динамику текста и способствующих проведению темы. Необходимо отметить и дистантное расположение компонентов указанных словообразовательных единиц. Такая актуализация мотивационных отношений между рассматриваемыми нами дериватами и их производящими позволяет автору сконцентрировать внимание читателя на динамической стороне событий и подчеркнуть высокий драматизм ситуации [9, с. 43].

Но зачем так многоступенчато: ходить, болеть... Можно просто умереть – быстро и небольно... Как больно, когда подрубают страсть, когда топором наотмашь – хрясь! И заходишься от боли. Болевой шок... [81, с. 171]

В рассматриваемом нами примере глагол, находящийся в предтексте, выполняет функцию заявителя темы в микротексте. Семантика ситуации далее расширяется за счет наречий, вступающих между собой в грамматическую и семантическую оппозицию, которые позволяют рассмотреть контекст с разных сторон и определить минорную тональность рассказа. Указанные лексемы как

бы семантически сворачиваются в абстрактное существительное, отражающее и состояние героини, и общий характер ситуации. Таким образом, можно говорить о компрессии смысла. Что касается производного прилагательного, находящегося в постпозиции и завершающего описание, то оно в данном случае имеет поясняющий характер, поскольку такого рода прилагательные по своей природе входят в словосочетания, в составе которых «происходит конкретизация общего значения недифференцированного отношения» [40, с. 189].

Ночью Ник не мог заснуть. Потом принял снотворное и провалился в сон, и в этот момент его потребовал к себе Соколов. Соколову не спалось и хотелось поговорить... [81, с. 128]

В рассматриваемом нами фрагменте словообразовательного гнезда представлены три деривата и глагольная вершина. Интересно, что все указанные производные в совокупности формируют словообразовательную парадигму, в контексте которой реализуются вербально-объектные отношения. Отметим, что субстантив «снотворное» представляет собой в этимологии существительное подчинительного типа, дериват «сон» является транспозитом с семантикой отвлеченного действия, производящее «спать» акцентирует внимание читателя на продолжительности действия, лексема «заснуть» – на его начальной фазе. Таким образом реализуются текстообразующие возможности производных единиц, а также обозначается общее состояние героев.

Выводы по главе 3

Итак, наши наблюдения над употреблением словообразовательных цепочек в тексте позволяют сделать следующие выводы.

1. Производные существительные, фиксируемые в рассказах В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость» и «Этот лучший из миров», а также в рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*), в первую очередь выполняют конструктивную функцию; особенно активную роль в этом играют дериваты с транспозиционным словообразовательным значением модели образования 'глагол → имя существительное'. Часто эта функция совмещается со стилистической, а также с их помощью осуществляются катафорические и анафорические функции в тексте, предусматривающие реализацию способности производного слова к указательности (отсылке в последующий или предшествующий контекст).

2. Производные существительные со значением предметности вносят в

текст семантическую конкретизацию и помогают устранить лексические повторы.

3. Дериваты с модифицирующим значением выполняют заместительную и экспрессивную функции, а также играют роль маркеров разговорного стиля.

4. Широкая представленность различных типов номинализации в русских текстах на разных уровнях словопроизводства свидетельствует о распространённости в русском языке номинативных имён, мотивированных конструкцией с первичной предикативностью. Малочисленность случаев прямого порождения деривата в турецком тексте свидетельствует о сложности данного явления, сопровождающегося не столько дублированием грамматических характеристик субъекта / объекта / предиката в производных именах, сколько фактом своеобразного выявления лишь части этих характеристик в содержательной структуре последних.

4. В целом производные существительные служат эффективным проводником тематической информации текста. Все вышесказанное позволяет сделать заключение об особой роли, отводимой производному слову в тематической организации художественного текста, а значит и в создании его связности и целостности.

Заключение

Специфика и уникальность художественного текста выявляются в том, что все элементы в нем являются семантически нагруженными, а художественная структура проявляется на всех его уровнях. Единицы словообразовательной системы, как уже неоднократно отмечалось нами выше, принимают участие в построении и синтаксической организации как отдельного предложения, так и целого текста. Производные слова, «будучи единицей, наделенной определенным лексическим значением и являясь одновременно конструкцией, несущей деривационное значение» [38, с. 216], участвуют в механизме текстообразования, осуществляют текстовые связи между словами по линии лексического и деривационного значений. В свою очередь текст влияет на производное слово, выявляя его конструктивный характер. Как нами уже отмечалось в предыдущих двух главах данного исследования, созданные в процессе речевого акта производные слова выполняют ряд функций: коммуникативную, конструктивную, экспрессивную, эстетическую и стилистическую.

Кроме того, как отмечает Е. А. Земская, «в речевом акте на базе предтекста могут порождаться разные типы производных слов, по всей вероятности все типы производных слов, действующие в языке в данное время. <...> Порождение слова из предтекста выполняет две функции: а) номинализации (свертывания пропозиции) и б) создание текстовой номинации...» [38, с. 165]. Данные функции целиком и полностью реализуются в рассматриваемых нами текстах, что было подробно проиллюстрировано нами выше. Проанализированный языковой материал позволяет сделать следующие выводы.

Самой яркой чертой, объединяющей все русские рассказы, является необыкновенно активное использование производных имен существительных с транспозиционным словообразовательным значением, причем в качестве доминирующей словообразовательной модели в текстах В. С. Токаревой представлена модель «глагол → производное имя существительное с транспозиционным словообразовательным значением», и, соответственно, наиболее ярко отражены словообразовательные значения 'отвлеченное состояние' и 'отвлеченное действие'. Причем данные отношения реализуются в тексте как на синтагматическом, так и на парадигматических уровнях. Данный факт говорит о необыкновенной функциональности отглагольных имен существительных-транспозитов: «Бинарные словообразовательные цепочки глаголов – производящих баз и их производных – отглагольных существительных, выступающих в своих словообразовательных моделях, возникают в текстообразовании как функциональные комбинационные

комплексы, в основе которых лежит повтор базовой глагольной лексемы словообразовательного гнезда. Указанными цепочками обеспечивается контекстуально выделенная, т.е. содержательно подчеркнутая идентификация референта, соотносящегося с отражаемым явлением действительности, на основе его многопризнакового представления. <...> Явление действительности, стоящее за референтом и широко понимаемое как «действие/процесс», становится в таких отношениях, к тому же за счет повтора, смысловой доминантой текстового континуума, при том что указание на нее осуществляется двумя способами: эксплицитным, при котором внутри цепочки соплагаются глагол как базовый член словообразовательного гнезда и другие его члены – производные существительные; полуимплицитным, при котором в аналогичном диапазоне реализации соплагаются производные существительные названных категорий без присутствия базового глагола...» [75, с. 2]. Таким образом, можно сделать вывод, что само образование бинарных словообразовательных цепочек с производящей базой-глаголом выступает в качестве показателя воплощения главного принципа текстопостроения – развития заложенного в текст замысла в последовательно выстраивающийся цельный информационно-языковой комплекс. Кроме того, активное использование девербативов в русских текстах позволяет автору ярче отразить реалии того времени, а также подчеркнуть сатирическую направленность текстов: с помощью транспозитов автором высмеивается штампованность и «лозунговость», присущие речи представителей бюрократических сфер.

В турецком тексте широко представлены производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением, причем отмечается многообразие словообразовательных моделей, представленных в рассказе. Особенностью данных дериватов является их высокая функциональность в сфере номинализации. В исследуемых нами текстах наиболее широко представлена словообразовательная модель «глагол → производное существительное с мутационным словообразовательным значением». Как показал анализ, проведенный нами в первой главе данной работы, рассматриваемые нами дериваты наиболее часто выражают словообразовательные значения ‘явление, характеризующееся наличием того, что названо мотивирующим словом’ и ‘предмет, являющийся объектом или результатом действия’. Данный факт подчеркивает динамичность, характеризующую данные произведения в частности и всю современную турецкую литературу в целом. Таким образом подчеркивается не просто субъект, а субъект активный, характеризующийся с точки зрения своей «полезности» в социуме. Объектность, выраженная вторым словообразовательным значением, лишь усиливает данную характеристику. Кроме того, данные дериваты позволяют расширить коммуникативный

контекст, способствуя свертыванию/развертыванию речевой ситуации, а также выполняют конструктивную функцию, способствуя проведению темы. Как отмечает Е. А. Земская, частота производных имен существительных с мутационным словообразовательным значением достаточно велика, что объясняется его высоким деривационным потенциалом реализации в тексте [38, с. 256].

Отдельно следует отметить употребление во всех рассмотренных нами текстах словообразовательных моделей «прилагательное → производное существительное с мутационным словообразовательным значением» и «существительное → производное существительное с мутационным словообразовательным значением»: «Многие слова данного типа семантически мотивируются словосочетаниями с мотивирующим именем прилагательным в качестве определения, которые синонимичны этим существительным или не синонимичны им...» [38, с. 256]. При этом авторы «Русской грамматики» подчеркивают высокую продуктивность данного словообразовательного типа в разговорной и профессиональной речи, так как данные дериваты являются «основным средством образования однословных неофициальных наименований предметов и явлений, которые в официальной речи обозначаются сочетаниями имени прилагательного с именем существительным...» [65, с. 171]. Что касается данных текстов, то данный словообразовательный тип в них представлен очень слабо, что обусловлено тем, что мы исследовали стиль художественной литературы в русском и турецком языках. Тем не менее, слова-универбаты выполняют в тексте очень важную функцию: данные производные существительные являются своеобразным семантическим конденсатом словосочетания мотивирующего прилагательного и определяемого слова, поскольку при образовании слов-универбатов «тема исходного обозначения свертывается в суффикс, а рема – в основу производной единицы. Вместе со свертыванием темы и ремы происходит снятие предикативной связи, которая становится эксплицитно не выраженной, но в скрытом, латентном виде присутствует в формально-семантической структуре нового однослогового наименования. Этим и объясняется семантическое «уплотнение» деривата, который, будучи более простым по форме, в семантическом отношении оказывается гораздо сложнее словосочетания» [45, с. 11]. В данных текстах производное слово находится в постпозиции, демонстрируя расширение, раскрытие смысла (своеобразное объяснение значения перед непосредственным употреблением универбата).

Представленность производных имен существительных с модификационным словообразовательным значением в русских текстах также достаточно высока. Это связано с эмоциональной и стилистической маркированностью слов-модификатов. Во всех текстах наблюдается наличие

двух видов эмоциональности данных дериватов: а) первичная, базирующаяся на экспрессивности словообразовательного форманта; б) вторичная, опирающаяся на экспрессивность производящей базы (примеры мы приводили в первой главе). Кроме того, производные имена существительные с модификационным словообразовательным значением активно участвуют в градуирующей номинации: «Называя что-либо, говорящий нередко употребляет слова одинаковой словообразовательной структуры, подчеркнуто передающие одно и то же категориально-квалифицирующее значение. При этом создается комплексное градуированное обозначение. Типичный вид такой номинации – сопоставление в одном тексте производных, реализующих разные виды словообразовательных оппозиций, чаще всего – градуальные типа “уменьшительность – увеличительность”...» [38, с. 177]. Особо следует отметить модификаты со словообразовательным значением «лицо женского пола», наиболее часто встречающиеся в исследуемых нами текстах. Данные дериваты позволяют сконцентрировать внимание читателя на дифференциации героев и их характеристиках.

Модификаты в рассказе М. Буйрукчу представлены тоже слабо. В данной группе слов основное место занимают имена существительные со значением ‘отсутствие признака’. Указанные лексемы во всех случаях вводятся автором в текст исключительно для констатации факта отсутствия чего-либо. Случаев, когда рассматриваемые модификаты являются оппонирующими в антонимической паре, нами не обнаружено. Следует, однако, отметить наличие эмоционально окрашенных дериватов, обладающих отрицательной корневой коннотацией. Интересен также тот факт, что нами не было найдено ни одной лексемы с субъективной оценкой. Исследователь Э. Гениш отмечает малоупотребительность подобных лексем и указывает на аналитичность выражения значений уменьшительности и ласкательности (использование прилагательных *маленький, большой и т.д.*).

Производные имена существительные с соединительным словообразовательным значением в рассматриваемых нами произведениях представлены в небольшом количестве, в случаях, когда необходима смысловая компрессия с акцентуацией на объект действия.

Что касается синтагматических связей производного слова, то в рассказах В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость» и «Этот лучший из миров», а также в рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*) производные слова на уровне бинарных словообразовательных цепочек функционируют по единым закономерностям. Следует отметить, что основные различия в создании и реализации производных имен существительных в данных текстах проявляются

на уровне полинарных словообразовательных цепочек, а также парадигматических связей (словообразовательной парадигмы и словообразовательного гнезда).

Что касается полинарных словообразовательных цепочек, то в рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*) они вообще не представлены. Однако в рассказах В. С. Токаревой нами были выделены четыре полинарные словообразовательные цепочки, характеризующиеся различными отношениями между звеньями. Так, в данных текстах представлены цепочки с мутационными и модификационными внутренними связями между их членами, о чем мы уже говорили ранее. Наличие таких словообразовательных структур способствует проведению темы в тексте, а также позволяет охарактеризовать ситуацию с разных сторон (объектность, субъектность, атрибутивность и т.д.) и расставить семантические акценты.

На уровне парадигматических связей реализация и функционирование производных слов в произведениях В. С. Токаревой и М. Буйрукчу также проявились по-разному. У последнего автора представлено лишь три случая употребления производного слова в контексте словообразовательного гнезда, что говорит об отсутствии необходимости у данного писателя в сильной семантической акцентуации на теме повествования. Кроме того, в реализованных парадигматических связях, отмеченных нами в рассказе «Yüzün Yarısı Gese» (*Темная половина лица*), отражается высокая функциональность производных слов (совмещение текстообразующей, конструктивной, связующей функций). В произведениях В. С. Токаревой парадигматические связи, реализованные в тексте, представлены более широко. Особенно активно проявляются данные связи на уровне словообразовательной парадигмы. Причем следует отметить морфологическое разнообразие представленных дериватов: в текстах отражены глагольная, атрибутивная и номинативная словообразовательные парадигмы. Данные структурные образования позволяют автору сконцентрировать внимание читателя на состоянии героя, на объекте повествования, а также на описании (характеристике) ситуации в целом.

Что касается словообразовательного гнезда, то в рассказах В. С. Токаревой представлены три словообразовательные структуры, причем одна из них представлена глагольными дериватами. Интересно и то, что в данном словообразовательном гнезде пропущено одно из звеньев, что позволяет акцентировать внимание на процессуальности ситуации, с одной стороны, и на ее темпоральности, с другой. Второй и третий рассматриваемые нами случаи характеризуют всю ситуацию в целом и подчеркивают динамику происходящего. Это позволяет нам сделать вывод о высокой функциональности производных слов в художественных текстах В. С. Токаревой, что подтверждает активное использование различных словообразовательных структур автором на

текстовом уровне.

Полученные результаты говорят о том, что функциональный подход к рассмотрению языка как действующей системы позволяет раскрыть, как работают языковые элементы в речи. Если структурно-системный подход даёт ответ на вопрос о строении объекта, то коммуникативно-функциональный подход даёт возможность ответить на вопрос о том, каково назначение данного объекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Buyrukçu, Muzaffer. Yüzün Yarısı Gece / Muzaffer Buyrukçu. – Ankara : Bilgi, 1994. – 249 s.
2. Азарх, Ю. С. Диалектные различия русского языка. Словообразование / Ю. С. Азарх. – Вып.1. – Кемерово : Изд-во Кемеровского ун-та, 1991. – 216 с.
3. Аксан, Д. Сила турецкого языка / Д. Аксан. – Анкара : Изд-во Билги, 1993. – 208 с.
4. Аликаева, Г. В. Гнезда слов со связанными корнями в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / Г. В. Аликаева ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тереза. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1980. – 22 с.
5. Аталай, Б. Словообразовательные модели в турецком языке / Б. Аталай. – Стамбул : изд-во Ибрахим Хороз, 1946. – 155 с.
6. Ашурова, Д. У. Производное слово в свете коммуникативной теории языка / Д. У. Ашурова. – Ташкент : ФАН, 1991. – 98 с.
7. Бакина, М. А. Словотворчество / М. А. Бакина. – М. : Наука, 1974. – 156 с.
8. Бангуоглу, Т. Турецкая грамматика / Т. Бангуоглу. – Анкара : Изд-во ун-та Анкары, 1998. – 628 с.
9. Блинова, О. И. Явления мотивации слов / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 191 с.
10. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко. – М. : Яз. слав. культуры, 2002. – 736 с.
11. Вендина, Т. И. Славянское субстантивное словообразование в сопоставительном аспекте : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10. 02. 03 / Т. И. Вендина, АН БССР, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск : Ин-т языкознания им. Якуба Коласа, 1987. – 49 с.
12. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : Избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С. 162 – 189.
13. Виноградова, В. Н. Стилистический аспект русского словообразования / В. Н. Виноградова. – М. : Наука, 1984. – 134 с.
14. Винокур, О. Г. Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 419 – 442.
15. Габинская, О. А. Слияние как способ образования новых слов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 02 / О. А. Габинская. – Орел, 1969. – 32 с.
16. Гениш, Эйюп. Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология,

- этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания : Т. 3 : Служебные слова, послелоги, союзы и частицы, междометия, аффиксы, предложение, правила орфографии, знаки препинания / Эйюп Гениш. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.
17. Гиниятуллина, З. Р. Функциональный аспект словообразовательных типов имён существительных : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 20 / З. Р. Гиниятуллина. – Уфа, 2003. – 171 с.
 18. Гинзбург, Е. А. Словообразование и синтаксис / Е. А. Гинзбург. – М. : Наука, 1996. – 197 с.
 19. Гинзбург, Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке / Е. Л. Гинзбург // Отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1985. – 223 с.
 20. Гинзбург, Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 264 с.
 21. Глазырина, С. А. Стилистические и текстообразующие функции повтора словообразовательных единиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. А. Глазырина, Узб. гос. ун-т мир. языков. – Ташкент, 1993. – 19 с.
 22. Головин, В. Г. Очерки по русской морфемике и словообразованию / В. Г. Головин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 207 с.
 23. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Айрис пресс, 2003. – 442 с.
 24. Громакова, О. Н. Словообразовательная категория суффиксальных отглагольных абстрактных имен существительных со значением «состояние человека» в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Громакова, ГОУ ВПО «Ставропольский госуд. университет». – Ставрополь, 2008. – 23 с.
 25. Гюнеш, С. Турецкое языкознание / С. Гюнеш. – Измир : ДЭЮ, 1999. – 406 с.
 26. Дашченко, О. И. Отперсональные образования в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 21. 02. 01 / О. И. Дашченко. – Киев, 1989. – 18 с.
 27. Демир, Т. Турецкое языкознание / Т. Демир. – Анкара : Изд-во Курмай, 2006. – 704 с.
 28. Дениз-Йылмаз, О. Категория номинализации действия в современном турецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 21. 02. 01 / О. Дениз-Йылмаз. – Санкт-Петербург, 2004. – 16 с.
 29. Дергаусова, О. В. Словообразовательные гнезда непроемных глаголов основных лексико-семантических групп современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / О. В. Дергаусова, Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1980. – 21 с.

30. Диздароглу, Х. Словообразовательные способы в турецком языке / Х. Диздароглу. – Анкара : изд-во ун-та Анкары, 1962. – 24 с.
31. Ергин, М. Турецкое языкознание / М. Ергин. – Стамбул : Издательство Байрак, 2009. – 407 с.
32. Ермакова, О. П. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте / О. П. Ермакова // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. статей. – Ташкент : Укитувчи, 1982. – С. 184 – 190.
33. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х тт. – 4-е изд., стер. — Москва : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. — 3 т.
34. Ёзйюрек, Р. Словообразовательные аффиксы / Р. Ёзйюрек. – Анкара : Кадер, 1998. – 124 с.
35. Земская, Е. А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования / Е. А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования : тез. докл. III республ. науч. конф. – Ташкент : Укитувчи, 1978. – С. 29 – 35.
36. Земская, Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. — М. : Русский язык, 1979. – 239 с.
37. Земская, Е. А. Словообразование / Е. А. Земская // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Азбуковник, 1999. – С. 286 – 441.
38. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – 3-е изд. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 220 с.
39. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 323 с.
40. Земская, Е. А. Язык как деятельность : Морфема. Слово. Речь. / Е. А. Земская. – М. : Языки славян. Культуры, 2004. – 685 с.
41. Исаева, Л. А. Виды скрытых смыслов и способы их передачи в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 21. 02. 02 / Л. А. Исаева. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1996. – 21 с.
42. Каде, Т. Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных / Т. Х. Каде. – Майкоп : Адыгейск. республ. книжн. изд-во, 1993. – 124 с.
43. Казак, М. Ю. Глагольное словообразовательное гнездо в современном русском языке : монография / М. Ю. Казак. – Белгород : Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2004. – 124 с.
44. Клеменцова, Н. И. Создание, восприятие и использование производного слова в тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 02 / Н. И. Клеменцова. – М. : РУДН, 1986. – 25 с.
45. Ключко, Д. Г. Производное слово как номинативно-коммуникативная

- единица в современном немецком языке / Д. Г. Ключко. – Минск : МГЛУ, 1999. – 16 с.
46. Кононов, А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов, Академия наук СССР, Ин-т востоковедения. – Л.; М. : Изд-во Академии наук СССР, 1941. – 312 с.
47. Коржева, Л. Б. Мотивационная типология производного слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Б. Коржева, Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1985. – 23 с.
48. Костюкевич, О. В. Бинарные словообразовательные цепочки в структуре художественного текста / О. В. Костюкевич // Современное русское словообразование: проблемы и перспективы развития : сб. науч. статей. – Минск : РИВШ, 1999. – С. 197 – 203.
49. Костюкевич, О. В. Особенности функционирования производных имен существительных в художественном тексте / О. В. Костюкевич // STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA. – Познань : Познанский университет, 1996. – № 3. – с. 129 – 133.
50. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Изд. 2-е. – М. : URSS : ЛКИ, 2008. – 156 с.
51. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
52. Кубрякова, Е. С.; Соболева, П. А. О понятии парадигмы в словообразовании и формообразовании / Е. С. Кубрякова, П. А. Соболева // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 5 – 23.
53. Кузнецов, П. И. Учебник турецкого языка : в 2 ч. Ч. 1. Начальный курс / П. И. Кузнецов. – 6-е изд-е, испр. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 473 с.
54. Лесных, В. Н. Языковая репрезентация познаваемой действительности : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 19 / В. Н. Лесных, Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 160 с.
55. Лопатин, В. В. Многогранное русское слово / В. В. Лопатин. – М. : Азбуковник, 2007. – 743 с.
56. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10. 02. 01 / В. В. Лопатин, АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1976. – 51 с.
57. Лукашанец, А. А. Словообразовательные гнезда глаголов в русском и белорусском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 / А. А. Лукашанец, АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : АН СССР, Ин-т рус. яз., 1981. – 19 с.
58. Моисеев, А. И. Богатство языка и культура речи / А. И. Моисеев. – Санкт–

- Петербург : Санкт-Петерб. гос. ун-т., 1995. – 245 с.
- 59.Моисеев, А. И. Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика. – Краснодар : Кубанск. гос. ун-т., 1991. – С. 84 – 91.
- 60.Немченко, В. Н. Современный русский язык : морфемика и словообразование: учеб. пособие / В. Н. Немченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Ун-та, 1994. – 295 с.
- 61.Николаева, Т. Функциональная значимость словообразующей морфемы / Т. Николаева // Актуальные вопросы русского языка и литературы. – Познань, 1996. – № 4. – с. 11 – 17.
- 62.Новичкова, С. А. Семантическое пространство словообразовательного гнезда : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 / С. А. Новичкова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петерб. гос. ун-т., 2005. – 226 с.
- 63.Общее языкознание. Внутренняя структура языка: учеб. пособие / Отв. ред В. А. Пищальникова. – М. : Наука, 1972. – 172 с.
- 64.Пушкарев, Е. А. Роль семантики словообразовательного суффикса в формировании лексических значений производных слов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Пушкарев, Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2001. – 18 с.
- 65.Русская грамматика : В 2 т. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
- 66.Саидова, С. М. Адъективные антонимичные словообразовательные гнезда в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 / С. М. Саидова, Ташентск. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Ташкент : Ташентск. гос. ун-т., 1980. – 20 с.
- 67.Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфонология. Морфология / П. П. Шуба, Т. Н. Волынец, И. К. Германович и др.; Под ред. П. П. Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ООО «Плопресс», 1998. – 544 с.
- 68.Рыбакова, И. Ю. Процессы гнездообразования и семообразования в историческом гнезде с этимологическим корнем BER : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 / И. Ю. Рыбакова. – Вологда : Вологодск. гос. пед.ун-т., 2003. – 276 с.
- 69.Сахарный, Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования : учеб. пособие / Л. В. Сахарный. – Л. : ЛГУ, 1985. – 97 с.
- 70.Сахарный, Л. В. Словообразование в речевой деятельности : автореф. дис. ... докт. филол. наук : / Л. В. Сахарный. – Л. : ЛГУ, 1980. – 21 с.
- 71.Сахнюк, О. В. Семантико-функциональные связи слов общего

- словообразовательного гнезда в тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / О. В. Сахнюк, Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Киев : Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1984. – 24 с.
72. Словарь русского языка : в 4-х тт. / под. ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
73. Соболева, П. А. Основания порождающей грамматики русского языка / А. П. Соболева, АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1968. – 373 с.
74. Современный русский язык : Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Академия. 2001. – 544 с.
75. Соломатина, Н. Г. Функционально-смысловой объем взаимосвязанной контекстной реализации членов глагольного словообразовательного гнезда : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / Н. Г. Соломатина, Минский гос. лингв. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2008. – 20 с.
76. Стернин, И. А. Значение слова и его компоненты / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. – 20 с.
77. Суслова, С. С. Словообразовательные гнезда *делать, работать, трудиться* в современном русском языке: семантический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 / С. С. Суслова. – Киров : Арзамасск. гос. пед. ин-т., 2009. – 232 с.
78. Тихонов, А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: курс лекций / А. Н. Тихонов. – Самарканд : Самаркандск. гос. ун-т., 1971. – 387 с.
79. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1990. – 2 т.
80. Тихонов, А. Н. Современная русская деривационная лексикография / А. Н. Тихонов // Актуальные вопросы дериватологии и дериватографии. – Владивосток, 1986. – С. 153 – 186.
81. Токарева, В. С. Этот лучший из миров : [рассказы] / Виктория Токарева. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. – 316 с.
82. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1996. – 214 с.
83. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2001. – 254 с.
84. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 239 с.
85. Фургель, И. А. Типы семантических отношений в словообразовательном гнезде : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 01 / И. А. Фургель. – Томск : Томск. гос. ун-т., 1988. – 176 с.
86. Фысина, У. Н. Субстантиваты в русском языке : автореф. дис. ... канд.

- филол. наук : 10.02.01 / У. Н. Фысина, Моск. гос. областн. ун-т. — М. : Моск. гос. областн. ун-т., 2007. — 21 с.
87. Цыганенко, Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке / Г. П. Цыганенко. — Киев : Изд-во Радянська школа, 1978. — 152 с.
88. Чарыкова, О. Н. Роль глагола в формировании художественной картины мира / О. Н. Чарыкова. — Воронеж : Изд-во «Истоки», 2004. — 192 с.
89. Шабуришвили, К. Теория текста и синтаксические механизмы словообразования / К. Шабуришвили. — Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1983. — 145 с.
90. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. — 356 с.
91. Ширшов, И. А. Теоретические проблемы гнездования : монография / И. А. Ширшов. — М. : Прометей, 1999. — 236 с.
92. Ширшов, И. А. Типы словообразовательной мотивированности / И. А. Ширшов // Филологические науки. — 1995. — №1. — С. 41 — 54.
93. Шкуропацкая, М. Г. Деривационная системность лексики : дис. ... доктора филол. наук : 10. 02. 01, 10. 02. 19 / М. Г. Шкуропацкая. — Кемерово : Кемеровск. гос. ун-т., 2004. — 442 с.
94. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. — М. : Наука, 1973. — 280 с.
95. Экер, С. Современный турецкий язык / С. Экер. — Анкара : Графикер, 2005. — 682 с.
96. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. — 242 с.

Приложение 1

Производные имена существительные, представленные в рассказах В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость» и «Этот лучший из миров»

Таблица 1

Производные имена существительные с транспозиционным словообразовательным значением.

модель образования	с.-о. значение	с.-о. формант	количество	примеры
глагол→ существит.	1. 'существит., обозначающее процессуальный признак' ¹	-ений- ²	77	мучение, выселение, обвинение, общение...
		-0-	54	труд, скрежет, крик...
		-ний-	35	качание, обещание, ожидание, умение...
		-к-	18	драка, заморозка, формулировка...
		-0-	16	ссора, беседа, работа...
		-ий-	9	участие, присутствие, действие ...
		-ств-	8	дежурство, убийство, производство...
		-аций-	7	операция, реакция, галлюцинация...
		-0-	4	похороны, переговоры, помыслы, хлопоты
		-тий-	3	занятие, объятие, отплытие
		-ок-	3	пинок, поступок, прыжок
		-б-	3	дружба, служба, жалоба
		-ость-	2	успеваемость, трусость
		-овк-	2	перестановка, расстановка
		-знь-	2	жизнь, болезнь
		-ель-	1	гибель
		-аж-	1	монтаж
		-овь-	1	любовь
		-исмент-	1	аплодисменты
		-н-	1	тайна

¹ Здесь и далее словообразовательные значения даются по Русской Грамматике. – Русская грамматика. Т. 1. – М.: Наука, 1980. – С. 329-361.

² Здесь и далее словообразовательные форманты выделяются по словообразовательному словарю А.Н.Тихонова. – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1985.

		-от-	1	грохот
		-ч-	1	передача
		-нѣ-	1	вранѣ
		-имость-	1	решимость
прилагат. → существит.	2. 'существит., обозначающее непроцессуальны й признак'.	-ость-	76	нежность, юность, робость, злость...
		-от-	8	красота, высота, темнота, простота...
		-ств-	8	бешенство, богатство, любопытство...
		-ий-	4	равнодушие, приличие, благополучие...
		-ин-	3	глубина, величина, тишина
		-ѣ-	2	здоровье, веселье
		-еств-	2	одиночество, убожество
		-иц-	2	бессонница, разница
		-ность-	1	готовность
		-есть-	1	тяжесть
		-ет-	1	нищета
		-ѳ-	1	горечь

Таблица 2

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением.

модель образования	с.-о. значение	с.-о. формант	коли- честв о	примеры
глагол → сущ.	'лицо, производитель действия'	-тель-	18	учитель, водитель, писатель...
		-ер-	4	режиссер, контролер, гример, гастролер
		-чик-	3	переводчик, летчик, добытчик
		-ор-/-атор-	3	оператор, корректор, администратор
		-ник-	3	защитник, работник, участник
		-ок-	2	подросток, подранок
		-ѳ-	2	обжора, прислуга
		-лец-	2	жилец, владелец
		-ец-	2	творец, продавец

		-ир-	1	командир
		-вец-	1	певец
		-ун-	1	драчун
		-щик-	1	дрессировщик
		-енец-	1	беженец
		-к-	1	высочка
		-ј-	1	судья
		-н-	1	размазня
	'предмет, служащий для выполнения действия, прибор, инструмент'	-к-	5	мойка, обложка, стойка
		-лк-	3	морозилка, мялка, вешалка
		-ушк-	2	погремушка, игрушка
		-ок-	2	звонок, гудок
		-ньј-	1	сиденье
		-л-	1	мыло
		-тв-	1	бритва
		-льник-	1	холодильник
		-ениј-	1	украшение
		-о-	1	поднос
		-ниц-	1	мельница
	'предмет, являющийся объектом или результатом действия'	-к-	12	шутка, отметка, ошибка...
		-о-	12	переплет, сбор, вывод
		-ок-	9	обломок, оттенок, подарок
		-аций-	4	интонация, делегация, информация
		-ений-	4	преступление, сбережение, основание
		-ин-	3	вмятина, перекладина, царапина
		-ств-	2	доказательство, устройство
		-ч-	1	добыча
		-л-	1	начало
		-унок-	1	рисунок
		-тель-	1	показатель
		-иц-	1	прозвище
		-м-	1	письмо
		-х-	1	успех
		-сн-	1	песня
		-ец-	1	рубец
		-вь-	1	обувь
		-жд-	1	одежда

	'вещество, материал, явившееся результатом или объектом действия'	-к- -0- -еньй- -тьй- субстант.	1 1 1 1 1	закуска еда варенье питьё выпитое
	'документ, хар-ся тем, что названо мотивир. словом'	-к- -ений-	3 3	записка, справка, прописка заявление, приглашение, объявление
	'лицо, объект действия'	-еник-	1	ученик
	'место, служащее для выполнения действия либо являющееся результатом действия'	-ений- -к- -льн- -лк- -овк- -ий- -аций- -ств-	3 2 2 1 1 1 1 1	строение, имение, помещение постройка, остановка спальня, купальня раздевалка забегаловка редакция организация издательство
прилагат. → существит.	'предмет или явление, носитель непроцессуального признака'	субстант. -ость- -ник- -0-	4 3 3 1	гласный, согласный, слагаемое, прямая собственность, недвижимость, внутренность подлинник, треугольник подстрочник мелочь
	'пространство, территория, хар-ся непроцес. признаком'	субстант. -ын-	2 1	преисподняя, мостовая пустыня
	'явление, носитель непроцессуального признака'	субстант. -иц-	11 1	смешное, главное, грустное... разница
	'лицо, носитель непроцессуального признака'	субстант. -ик-	34 7	портной, последний, знакомый... безбилетник, хищник,

		-ость-	2	развратник... посредственность, личность
		-ец-	2	подлец, иностранец
		-авец-	2	красавец, мерзавец
		-0-	2	пьянь, зануда
		-як-	1	пошляк
		-иц-	1	пьяница
		-арь-	1	дикарь
		-ух-	1	старуха
		-еств-	1	общество
		-щик-	1	телевизионщик
	'понятие, характеризующ. непроцес. признаком'	-як-	1	сквозняк
	'вещество, носитель непроцес. признака'	субстант. -ок-	2 1	горячее, снотворное белок
	'помещение, вместилище, хар- ся непроцес. признаком'	субстант. -иц- -j-	11 2 1	пельменная, столовая, учительская... больница, гостиница жильё
существит. → существит.	'помещение, место, территория'	-ность- из-...-j- пере-...-ок- под-...-иц- пред-...-й-	1 1 1 1 1	местность изгололье переулок подножие предгорье
	'род деятельности'	-ств-	3	жительство, строительство, соседство
	'лицо, носитель предметного признака'	-0- -ист- -ник- -ец- -анин- -щик-	9 8 8 5 3 2	психоаналитик, эфиоп, геолог, хирург... оптимист, стилист, журналист... троечник, смертник, любовник... японец, европеец, истец парижанин, англичанин, армянин постановщик, часовщик

		-ир-	2	кассир, банкир
		-анец-	2	американец, африканец
		-ич-	1	королевич
		-онер-	1	милиционер
		-аст-	1	энтузиаст
		-ер-	1	модельер
		-евн-	1	царевна
		-к-	1	косметичка
		-им-	1	отчим
		-ик-	1	трагик
		-евт-	1	терапевт
		-як-	1	поляк
		-уз-	1	француз
		-ость-	1	народность
		пра-	1	правнук
		при-...-ок-	1	придурок
		со-...-ник-	1	собеседник
	'предмет, орудие, приспособление, часть предмета'	-ниц-	3	сахарница, хлебница, чернильница
		-ник-	2	приёмник, учебник
		-к-	2	пилотка, решетка
		-оид-	1	фонемоида, синусоида
		-этка-	1	статуэтка
		-арий-	1	сценарий
		суб-	1	субтитр
		-овиц-	1	половица
		на-...-ник-	1	наушник
		при-...-ок-	1	прилавок
		под-...-ник-	1	подоконник
		по-...-к-	1	повозка
	'политическая система, явление'	-изм-	1	демократизм
	'явление, состояние'	-ств-	3	предательство, детство, блядство
		ин-	1	интоксикация
		-ик-	1	энергетика
		со-	1	сопонимание
		рас-	1	распорядок
		на-...-ий-	1	насилие
	'животные, продукты их жизнедеятельности'	-ин-	1	баранина
		-енок-	1	тигренок
		-ниц-	1	капустница

	'вещество, материал, хар-ся мотивированным словом'	-ств-	1	лекарство
	'организация, учреждение'	-ур-	1	регистратура
	'часть тела'	-ник-	1	позвоночник
		-ниц-	1	поясница
		пере-...-иц-	1	переносица
		под-...-ок-	1	подбородок
числительн. → существит.	'лицо, хар-ся тем, что названо мотивированным словом'	субстант. -ер-	2 2	первый, второй миллионер, миллиардер
	'предмет, содержащий кол-во единиц, названных мотивированным словом'	-к- -н- -ак-	6 1 1	тройка, четверка, десятка, двойка пятерня пятак
	'вещество, хар-ся тем, что названо мотивированным словом'	субстант.	2	первое, второе

Таблица 3

Производные имена существительные с модификационным словообразовательным значением.

модель образования	с.-о. значение	с.-о. формант	количество	Примеры
существит. → существит.	'собирательность'	-ств-	5	потомство, человечество, начальство
		-ий-	2	дирекция, интеллигенция
		-ёжь-	1	молодёжь
	'отсутствие признака, противоположный признак'	не-	6	несчастье, неуважение, нетерпение
		под-	1	подсознание
		а-...-ий-	1	аритмия

	'субъективная оценка': а) 'оценочность'	-иц-	3	кожища, рожница, лужища
		-ашк-	2	деревяшка, старикашка
		-онк-	1	девчонка
		-ишк-	1	мальчишка
	б) 'уменьшитель- ность'	-к-	48	брючки, квартирка, курточка, колечко...
		-ок-	11	шнурок, листок, крючок, глазок, кулачок...
	в) 'ласкатель- ность'	-ик-	10	хвостик, квадратик, кристаллик
		-ек-	10	камешек, платочек, кружочек
		-очк-	6	цепочка, лампочка, косточка
		-ушк-	3	бабушка, дедушка, избушка
		-чик-	3	графинчик, чемоданчик, стульчик
		-ц-	2	зеркальце, блюдо
	г) 'стилистиче- ская модификация'	-к-	9	сковородка, тетрадка, рубашка
		-ин-	1	вершина
		-ик-	1	истерика
		-ник-	1	полтинник
	'лицо женского пола, самка животного'	-к-	24	студентка, кошка, эквилибристка...
		-ниц-	11	художница, ровесница, руководительница
		-ш-	5	гримерша, секретарша, миллионерша...
		-ициц-	3	уборщица, продащица, манекеница
		-ин-	2	княгиня, героиня
		-чиц-	2	буфетчица, переводчица
		-их-	2	врачиха, портниха
		-овк-	1	воровка
		-енк-	1	французенка
		-ис-	1	киноактриса
		-есс-	1	стюардесса
		-иц-	1	красавица
		-анк-	1	служанка

		<i>по-...-0-</i>	1	<i>подруга</i>
	'лицо мужского пола'	<i>-ак-</i>	1	<i>дурак</i>
	'характеристика лица'	<i>-ность-</i>	1	<i>сущность</i>

Приложение 2

Производные имена существительные, представленные в рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gecе» (Темная половина лица)

Таблица 1

Производные имена существительные с транспозиционным
словообразовательным значением.

модель образования	с.-о. значение	с.-о. формант	коли- чест- во	примеры
глагол→ существит.	1. 'существит., обозначающее процессуальный признак ³	-ma- ⁴	37	sokulmasına, abartmalı, duymayı, sarmasının...
		-me-	29	gezmesine, demesini, benzemeyen...
		-i-/-u-	7	kokularla, umudunu, kanıları...
		-im-/-um-	4	uyumlu, üretim, yaşamını...
		-inti-	3	akıntısına, sarsıntısıyla, sıkıntıyla
		-iş-	3	çekişlerini, yalvarışları, davlanışlarını
		-uş-	2	gülüşü, oluşunu
		-ecek-/	2	sevişeceklerini,
		-acak-		yatacaklarını
		-ku-/-gu-	2	coşkusunu, duygulara
		-y-	1	yürüyüşü
		-c-	1	sevinciyle
		-ç-	1	utançla
		-ti-	1	söylentiler

³ Здесь и далее словообразовательные значения и форманты даются по грамматике турецкого языка. – Гениш, Эйюп. Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания : Т. 3: Служебные слова, послелого, союзы и частицы, междометия, аффиксы, предложение, правила орфографии, знаки препинания. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – с. 101 – 124.

прилагат. → существит.	2. 'существит., обозначающее непроцессуаль- ный признак'.	-lig-/liğ-	15	siyahlığı, derinliğe, ağırlığı, yalnızlığın...
		-lik-	10	eşitlik, kızgınlıkla, hastalık...
		-luk-/lük-	5	mutluluk, suçluluk, düzlükte...
		-lug-/	4	sonsuzluga, donukluğu, hoşluğa...
		-nti-	1	raslantıların

Таблица 2

Производные имена существительные с мутационным словообразовательным значением.

модель образования	с.-о. значение	с.-о. формант	коли- честв о	примеры
глагол → сущ.	'лицо, производитель действия'	-cı-	4	yaratıcısı, satıcısı, kurtarıcı...
		-ci-	1	dilencilerin
		-ü-	1	ölü
		-an-	1	bakan
	'явление, характеризу- ющееся наличием того, что названо мотивирующим словом'	-an-	70	dadanan, sunan,
		-en-	56	kalan...
		-dig-/dik-	54	giden, sinen, kesilen... aldıkları, uğradığı, eridiğini...
		-tig-/tik-	19	işittikleri, attığı, taktığı...
		-dug-/duk-	19	olduğunu, kurdukları, durdukları...
		-miş-	14	dikilmiş, darılmış, kırılmış...
		-acak-/ -ecek-	12	boşaltacak, olacağını, üreyecek...
		-ici-	3	baticı, kıskırtıcı, sinirlendirici
		-li-	1	kapalı
		-ik-	1	değişik
		-r-	1	kaynar
	'явление,	-k-/tk-	4	istekleri, yarık,

	предмет, являющиеся объектом или результатом действия'	-ma- -tü- -nim- -ağ- -un- -ce- -gu- -an- -si- -m- -ış- -sel-	2 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1	çatlaklar... bağışlama, suçlama görüntüleri izlenimleri yatağa sorunları düşüncelerden duygular yaran giysi anlam bakışı düşsel
	явление, ставшее результатом или объектом действия'	-gın- -ay-	1 1	yangın olayların
	'место, служашее для выполнения действия либо являющееся результатом действия'	-gi- -i-	1 1	sergisinden yapılara
прилагат. → существит.	'предмет, носитель непроцессуаль- ного признака'	-luk-	1	kopukluklar
	'пространство, территория, хар- ся непроцес. признаком'	-lük-	1	düzlükler
	'явление, носитель непроцессуаль- ного признака'	-lik-/liğ- -ce-	7 1	iyilik, aşağılık, egemenliği... sessizce
	'лицо, носитель	-cı-	1	kaçakçı

	непроцессуального признака'	-lık-	1	<i>hayranlıkla</i>
	'понятие, характеризующ. непроцес. признаком'	-liğ-	1	<i>pisliğine</i>
существит. → существит.	'помещение, место, территория'	-lık-/liğ-	4	<i>ortalık, ormanlık, aralığı, bataklığa</i>
	'род деятельности'	-lık-/liğ-	10	<i>babalığim, ustalıkla, askerlik</i>
	'лицо, носитель предметного признака'	-ci-/cu- -çi-/çu- -lülü- -ki- -lik- -keş- -li-	7 4 2 2 2 1 1	<i>kumcular, havacı, yolcu, gemici... barbutçular, balıkçılara, emekçiler... gonüllü, ömürlü kucağındakileri, dışarıdakilerin idamlıklar, alkoliclerden esrarkeşleri rahmetli</i>
	'явление, характеризующееся наличием того, что названо мотивирующим словом'	-li-/lu- -lik-/liğ- -ki-/kü- -sel-/sal-	46 5 2 2	<i>kuyulu, acılı, çakıllı, onurlu... yazlık, kışlık, çimenliğe... ötekileri, günkü dairesel, ruhsal</i>
	'одежда'	-lik-	1	<i>gelinlik</i>
	'явление, состояние'	-lik-/liğ- -sız-	3 1	<i>hırsızlık, güvenliği, aptallığını ansızın</i>
местоимение → существительн.	'явление, хар-ся тем, что названо мотивирован-	-liğ-	1	<i>benliğiyle</i>

	НЫМ СЛОВОМ'			
наречие → существительн.	'лицо, хар-ся тем, что названо мотивирован- ным словом'	-ki- -ci-	1 1	<i>içeridekilerindi</i> <i>sahici</i>

Таблица 3

Производные имена существительные с модификационным
словообразовательным значением.

модель образования	с.-о. значение	с.-о. формант	коли- чество	Примеры
существит. → существит.	'собираемость'	-lik-/luk-	3	<i>artistlik</i> , <i>tiyatroculuk</i> , <i>çalılık</i>
	'отсутствие признака, противополож- ный признак'	-sız- -suz-/süz-	10 5	<i>kararsız</i> , <i>damarsız</i> , <i>tanımsız</i> <i>sütsüz</i> , <i>huysuz</i> , <i>susuz</i>

Приложение №3

Производные имена существительные и их производящие, представленные в рассказах В. С. Токаревой «Антон, надень ботинки!», «Вместо меня», «День без вранья», «Зануда», «Из жизни миллионеров», «О том, чего не было», «УПК», «Фараон», «Хорошая слышимость» и «Этот лучший из миров»

Производные имена существительные	Производящие слова
быстротечность	быстротечный
безысходность	безысходный
вечность	вечный
опустошенность	опустошенный
горечь О	горький
нищета	нищий
пьянство	пьяный
неряшливость	неряшливый
бешенство	бешеный
злость	злой
готовность	готовый
безобразие	безобразный
достоинство	достойный
благородство	благородный
торжественность	торжественный
осмысленность	осмысленный
неопределенность	неопределенный
неожиданность	неожиданный
неизвестность	неизвестный
невозможность	невозможный
невозмутимость	невозмутимый
настырность	настырный
наполненность	наполненный
надобность	надобный
изысканность	изысканный
откровенность	откровенный
отчужденность	отчужденный
дерзость	дерзкий
глупость	глупый
действительность	действительный
деятельность	деятельный
зависимость	зависимый
занятость	занятый

потребность	потребный
посещаемость	посещаемый
подозрительность	подозрительный
подлость	подлый
ответственность	ответственный
особенность	особенный
опрятность	опрятный
опасность	опасный
неточность	неточный
неудовлетворенность	неудовлетворенный
неприятность	неприятный
нерешительность	нерешительный
нежность	нежный
недоступность	недоступный
национальность	национальный
молодость	молодой
легкость	легкий
искренность	искренний
пошлость	пошлый
противоположность	противоположный
радость	рад
раскованность	раскованный
распущенность	распущенный
робость	робкий
скорость	скорый
сложность	сложный
скромность	скромный
сознательность	сознательный
способность	способный
специальность	специальный
старость	старый
усталость	усталый
устойчивость	устойчивый
уверенность	уверенный
трудность	трудный
странность	странный
ценность	ценный
шероховатость	шероховатый
юность	юный
чернота	чёрный
темнота	темный
пустота	пустой
простота	простой
правота	правый

красота	красивый
благополучие	благополучный
веселье	веселый
влюбленность	влюбленный
вероятность	вероятный
верность	верный
бестактность	бестактный
беззащитность	беззащитный
бедность	бедный
добродетель	добрый
высота	высокий
богатство	богатый
большинство	большой (наращение на корень –ин-)
неудобство	неудобный
любопытство	любопытный
равнодушие	равнодушный
приличие	приличный
тишина	тихий
глубина	глубокий
величина	великий
здоровье	здоровый
одиночество	одинокый
разница	разный
бессонница	бессонный
тяжесть	тяжелый
возможность	возможный
внешность	внешний
близость	близкий
благотворительность	благотворительный
благодарность	благодарный
убожество	убогий
артистичность	артистичный
вой О	выть
драка	драться
трусость	трусить
пытка	пытать
вранье	врать
запой О	запить
цветение	цвести
рождение	родить
побуждение	побудить
тайна	таить
гибель	гибнуть
помыслы О	помыслить

замеша(тель)ство	замешаться (словообразование через 1 ступень – нет слова замешатель)
соучастие	соучаствовать
помощь Ø	помогать
обида Ø	обидеть
мечта Ø	мечтать
касание	касаться
закливание	заклинать
обаяние	обаять
ожидание	ожидать
прощание	прощаться
взор Ø	взирать
вдохновение	вдохновить
вкрапление	вкрапить
волнение	волновать
удовлетворение	удовлетворить
развлечение	развлечь
раздражение	раздражать
прикосн(ов)ение	прикоснуться (наращение на корень –ов-)
поражение	поразить
отвращение	отвратить
натяжение	натягивать
мучение	мучить
восхищение	восхитить
кружение	кружить
объятие	объять
доверие	доверять
ложь Ø	лгать
надежда Ø	надеяться
забота Ø	заботиться
страдание	страдать
утекание	утекать
поцелуй Ø	поцеловать
увлечение	увлекаться
удивление	удивить
унижение	унизить
устремление	устремлять
столкн(ов)ение	столкнуть (наращение на корень –ов-)
сравнение	сравнить
сомнение	сомневаться
соображение	сообразить
сопротивление	сопротивляться

спасение	спасать
разрешение	разрешить
расположение	расположить
решение	решить
происхождение	происходить
проникн(ов)ение	проникать (наращение –ов-)
появление	появиться
правление	править
предложение	предложить
приглашение	пригласить
приготовление	приготовить
применение	применить
приобретение	приобретать
продолжение	продолжить
произношение	произносить
оформление	оформить
ощущение	ощутить
передвижение	передвигать
переутомление	переутомиться
погружение	погрузить
положение	положить
поселение	поселить
осуществление	осуществить
отделение	отделить
отношение	относиться
осложнение	осложнить
окружение	окружить
определение	определить
обращение	обратиться
обсуждение	обсудить
обучение	обучить
общение	общаться
намерение	намереваться
направление	направить
напряжение	напрягать
недоумение	недоумевать
лечение	лечить
мнение	мнить
мышление	мыслить
исключение	исключить
значение	значить
изготовление	изготовить
изменение	изменить
измерение	измерить

давление	давить
движение	двигать
выступление	выступить
выяснение	выяснить
воображение	вообразить
впечатление	впечатлить
выражение	выразить
выселение	выселить
взгляд Ø	взглянуть
выпуск Ø	выпустить
вызов Ø	вызывать
выбор Ø	выбрать
вход Ø	входить
восторг Ø	восторгаться
выход Ø	выходить
заказ Ø	заказать
дело Ø	делать
закат Ø	закатиться
запрос Ø	запросить
запрет Ø	запретить
запах Ø	запахнуть
контроль Ø	контролировать
крик Ø	кричать
обход Ø	обходить
ответ Ø	ответить
отбор Ø	отбирать
порыв Ø	порываться
поиск Ø	поискать
поворот Ø	поворачивать
перерыв Ø	перерывать
перелет Ø	перелетать
перевод Ø	переводить
отъезд Ø	отъезжать
проезд Ø	проезжать
приход Ø	приходить
приступ Ø	приступить
приём Ø	принимать
приговор Ø	приговорить
протест Ø	протестовать
размах Ø	размахнуться
разговор Ø	разговаривать
сбор Ø	собрать
рост Ø	расти
расчет Ø	рассчитать

расстрел Ø	расстрелять
сон Ø	спать
смотреть Ø	смотреть
случай Ø	случаться
слух Ø	слушать
скрежет Ø	скрежетать
спор Ø	спорить
суд Ø	судить
ход Ø	ходить
уход Ø	уходить
упрек Ø	упрекать
укор Ø	укорять
удар Ø	ударить
труд Ø	трудиться
требование	требовать
умение	уметь
существование	существовать
состояние	состоять
сочетание	сочетать
сострадание	сострадать
расставание	расставаться
пение	петь
плавание	плавать
пожелание	пожелать
пользование	пользоваться
понимание	понимать
отставание	отставать
опоздание	опоздать
описание	описать
обещание	обещать
образование	образовать
молчание	молчать
качание	качать
катание	кататься
испытание	испытать
знание	знать
зрение	зреть
замечание	замечать
дыхание	дышать
желание	желать
воспоминание	вспоминать
внимание	внимать
упаковка	упаковать
формулировка	формулировать

съемка	снимать
разборка	разбирать
посиделки	посидеть
привычка	привыкать
прогулка	прогуляться
оценка	оценить
перестройка	перестроить
поддержка —	поддержать
поездка	поездить
поминки	поминать
поломка	поломать
нагрузка	нагрузить
командировка	командировать
заморозка	заморозить
беседа Ø	беседовать
встреча Ø	встречать
затрата Ø	затратить
перемена Ø	переменить
подмена Ø	подменить
потеря Ø	потерять
пропажа Ø	пропадать
работа Ø	работать
прохлада Ø	прохладить
ссора Ø	ссориться
действие	действовать
отсутствие	отсутствовать
присутствие	присутствовать
путешествие	путешествовать
приветствие	приветствовать
противоречие	противоречить
участие	участвовать
чувство	чувять
убийство	убивать
хамство	хамить
творчество	творить
превосходство	превосходить
производство	производить
дежурство	дежурить
галлюцинация	галлюцинировать
реакция	реагировать
репетиция	репетировать
интонация	интонировать
консультация	консультировать
операция	оперировать

экспедиция	экспедировать
переговоры Ø	переговорить
похороны Ø	похоронить
хлопоты Ø	хлопотать
отплытие	отплыть
занятие	заниматься
прыжок	прыгать
пинок	пинать
поступок	поступать
жалоба	жаловаться
дружба	дружить
служба	служить
успева(ем)ость	успевать
расстановка	расставить
перестановка	переставить
жизнь	жить
болезнь	болеть
монтаж	монтировать
любовь	любить
аплодисменты	аплодировать
грохот	грохать
передача Øа	передать
решимость	решиться
хирург Ø	хирургия
хореограф Ø	хореография
эфиоп Ø	эфиопия
общество	общий
философ Ø	философия
фотограф Ø	фотография
геолог Ø	геология
график Ø	графика
политик Ø	политика
психоаналитик Ø	психоаналитика
визажист	визаж
декабрист	декабрь
журналист	журнал
коммунист	коммунизм
оптимист	оптимизм
пессимист	пессимизм
плакати́ст	плакат
стили́ст	стиль
гипертоник	гипертония
любовник	любовь
дворник	двор

испанец	Испания
европеец	Европа
истец	Иск
китаец	Китай
японец	Япония
армянин	Армения
англичанин	Англия
парижанин	Париж
постановщик	постановка
час(ов)щик	часы
банкир	банк
кассир	касса
африканец	Африка
американец	Америка
корол(ев)ич	король
милиционер	милиция
энтузиаст	энтузиазм
модельер	модель
царевна	царь
отчим	отец
трагик	трагедия
терапевт	терапия
поляк	Польша
француз	Франция
народность	народ
собеседник	беседа
регистратура	регистрация
соседство	сосед
тигренок	тигр
баранина	баран
подножие	нога
предместьё	место
изголовьё	голова
переулок	улица
местность	место
строительство	строитель
жительство	житель
демократизм	демократия
капустница	капуста
лекарство	лекарь
поясница	пояс
переносица	нос
подбородок	борода
насилие	сила

позвоночник	позвонок
интоксикация	токсикация
предательство	предатель
детство	дети
энергетика	энергия
сопонимание	понимание
распорядок	порядок
хлебница	хлеб
чернильница	чернила
сахарница	сахар
учебник	учеба
приёмник	прием
решетка	решето
пилотка	пилот
фонемоида	фонема
синусоида	синус
статуэтка	статуя
сценарий	сцена
субтитр	титр
половица	пол
наушник	ухо
прилавок	лавка
подоконник	окно
повозка	воз
миллиардер	миллиард
миллионер	миллион
смертник	смерть
троечник	тройка
косметичка	косметика
придурок	дура
двоечник	двойка
бабник	баба
бездельник	дело
блядство	блядь
правнук	внук
грузовик	грузовой автомобиль
марганцовка	марганцовая перекись
психушка	психиатрическая больница
рукопись	рука + писать
снотворное	субст.
самородок	сам + родить
лук – порей	лук + порей
носорог	нос+рог
идеология	идея + логос

милосердие	милый + сердце
самолет О	сам+летать
теплоход О	теплый+ ходить
новостройка	новый + стройка
общежитие	общий + жить
фотолаборатория	фото+лаборатория
противогаз	против + газ
пулемет О	пуля+метать
фотоаппарат	фото+аппарат
круговорот О	круг+воротить
лжесвидетельство	ложь+свидетельство
самоутверждение	сам+утверждение
самоубийство	сам+убийство
кинопроцесс	кино+процесс
взаимопроникновение	взаимный+проникновение
взаимоотношения	взаимный + отношение
фотомодель	фото+модель
телохранитель	тело+хранитель
секс-бомба	секс+бомба
премьер-министр	премьер + министр
пешеход О	пеший+ходить
молодожен О	молодой+жениться
кинооператор	кино+оператор
кинокритик	кино+критик
киногруппа	кино+группа
киноартист	кино+артист
квартиросъемщик	квартира+съемщик
девятиклассник	девятый + класс
водолаз О	вода+лазить
бизнесмен	бизнес+мен
бармен	бар+мен
физкультура	физическая культура
зарплата	заработная плата
униформа	унифицированная форма
СПИД	синдром приобретенного иммунодефицита
педсовет	педагогический совет
завхоз	заведующий хозяйством
завуч	заведующий учебной частью
бомж	без определенного места жительства—
ветлечебница	ветеринарная лечебница
жэк	жилищно-эксплуатационная комиссия
зоопарк	зоологический парк

иняз	иностранный язык
москонцерт	московский концерт
упк	учебно-производственный комбинат
спортзал	спортивный зал
блатной	субст.
сущность	суть
тумбочка	тумба
мамочка	мама
лампочка	лампа
косточка	кость
карточка	карта
ящичек	ящик
камешек	камень
кусочек	кусок
огонек	огонь
орешек	орех
платочек	платок
кружочек	кружок
списочек	список
треугольничек	треугольник
человечек	человек
хвостик	хвост
столик	стол
столбик	столб
рогалик	рогаль
пакетик	пакет
носик	нос
рубчик	рубец
личико	лицо
кристаллик	кристалл
квадратик	квадрат
шнурок	шнур
уголок	угол
сырок	сыр
сундучок	сундук
поясок	пояс
пирожок	пирог
листок	лист
кулачок	кулак
крючок	крюк
кружок	круг
глазок	глаз
штучка	штука
шапочка	шапка

чурочка	чурка
ушко	ухо
трубочка	трубка
трубка	труба
тропка	тропа
трещинка	трещина
табличка	таблица
таблеточка	таблетка
ступенька	ступень
строчка	строка
стрелочка	стрелка
стенка	стена
спинка	спина
сосулька	сосуля
скамеечка	скамейка
сиротка	сирота
ручка	рука
корочка	корка
полоска	полоса
площадка	площадь
палочка	палка
окошечко	окошко
минуточка	минутка
машинка	машина
ложечка	ложка
ладошка	ладонь
кучка	куча
курточка	куртка
кольечко	кольцо
книжка	книга
кепочка	кепка
квартирка	квартира
капелька	капля
жилка	жила
дырка	дыра
дубинка	дубина
дочка	дочь
дорожка	дорога
горка	гора
головка	голова
водичка	водица
ветка	ветвь
веревочка	веревка
брючки	брюки

батаре́йка	батаре́я
бано́чка	ба́нка
подсо́знание	со́знание
несветско́сть	светско́сть
несча́стье	сча́стье
неува́жение	ува́жение
нетерпение	терпение
неуспе́ваемость	успе́ваемость
нея́вка	я́вка
аритми́я	ритм
интеллиге́нция	интеллиге́нт
потомс́тво	потомо́к
правите́льство	прави́тель
хозяйс́тво	хозяйи́н
челове́чество	челове́к
нача́льство	нача́льник
молоде́жь	молодо́й
диреќция	директо́р
подру́га О	друг
служанка	слуга
краса́вица	краса́вец
стюа́рдесса	стюа́рд
киноа́ктриса	киноа́ктер
францу́женка	францу́з
воровка	вор
вра́чиха	вра́ч
портни́ха	портно́й
буфетчи́ца	буфетчи́к
переводчи́ца	переводчи́к
геро́иня	геро́й
княги́ня	князь
уборщи́ца	уборщи́к
мане́кенщи́ца	мане́кенщи́к
продавщи́ца	прода́вец
гри́мерша	гри́мер
контроле́рша	контроле́р
миллионе́рша	миллионе́р
регистра́торша	регистра́тор
секре́тарша	секре́тарь
художни́ца	художни́к
учите́льница	учите́ль
уче́ница	учени́к
укроти́тельница	укроти́тель
руководи́тельница	руководи́тель

ровесница	ровесник
пэтэушница	пэтэушник
предательница	предатель
покупательница	покупатель
начальница	начальник
любовница	любовник
эквилибристка	эквилибрист
шатенка	шатен
чемпионка	чемпион
хозяйка	хозяин
феминистка	феминист
телефонистка	телефонист
студентка	студент
соседка	сосед
симулянтка	симулянт
пианистка	пианист
пенсионерка	пенсионер
пейзанка	пейзанец
пациентка	пациент
оптимистка	оптимист
нахалка	нахал
мулатка	мулат
мексиканка	мексиканец
кошка	кот
клиентка	клиент
эфиопка	эфиоп
грузинка	грузин
блондинка	блондин
аристократка	аристократ
акушерка	акушер
дурак	дура
избушка	изба
цепочка	цепь
дедушка	дед
бабушка	баба
чемоданчик	чемодан
стульчик	стул
графинчик	графин
зеркальце	зеркало
блюдоце	блюдо
рожица	рожа
лужица	лужа
кожица	кожа
тетка	тетя

тетрадка	тетрадь
девчонка	девочка
мальчишка	мальчик
старикашка	старик
деревяшка	дерево
табуретка	табурет
скамейка	скамья
сковородка	сковорода
рубашка	рубаха
бутылка	бутыль
картошка	картофель
бабка	баба
истерика	истерия
вершина	верх
полтинник	полтина
пятерка	пятеро
десятка	десять
двойка	двое
восьмерка	восемь
четверка	четверо
тройка	трое
первый	суб.
второй	суб.
первое	суб.
второе	суб.
пятерня	пятеро
пятак	пять
смотрящий	суб.
живущие	суб.
преисподняя	суб.
безбилетник	безбилетный
мерзавец	мерзкий
пошляк	пошлый
зануда	нудный
телевизионщик	телевизионный
пьяница	пьяный
пьянь	пьяный
снотворное	суб.
горячее	суб.
белок	белый
примерочная	суб.
прихожая	суб.
пельменная	суб.
монтажная	суб.

парадное	суб.
парикмахерская	суб.
мастерская	суб.
столовая	суб.
ванная	суб.
учительская	суб.
справочное	суб.
жильё	жилой
больница	больной
гостиница	гостинный
пустыня	пустой
мостовая	суб.
старое	суб.
сказанное	суб.
будущее	суб.
главное	суб.
грустное	суб.
необходимое	суб.
завтра	суб.
необъятное	суб.
новое	суб.
смешное	суб.
плохое	суб.
прямая	суб.
гласные	суб.
согласные	суб.
разница	разный
слагаемое	суб.
внутренность	внутренний
собственность	собственный
недвижимость	недвижимый
треугольник	треугольный
подстрочник	подстрочный
подлинник	подлинный
мелочь О	мелкий
многие	суб.
трудящийся	суб.
умершие	суб.
сумасшедший	суб.
глухонемой	суб.
горничная	суб.
другие	суб.
живые	суб.
мертвые	суб.

знакомый	суб.
заведующий	суб.
малый	суб.
мастеровой	суб.
молодые	суб.
некоторые	суб.
неизвестные	суб.
обвиняемая	суб.
окружающие	суб.
отсутствующие	суб.
портной	суб.
последний	суб.
поющие	суб.
пришедшие	суб.
рабочий	суб.
равные	суб.
русская	суб.
служащий	суб.
ссылный	суб.
ближние	суб.
больной	суб.
ведущий	суб.
перекладные	суб.
старик	старый
хищник	хищный
современник	современный
неудачник	неудачный
развратник	развратный
родственник	родственный
личность	личный
посредственность	посредственный
иностранец	иностранный
подлец	подлый
красавец	красивый
дикарь	дикий
старуха	старый
сквозняк	сквозной
прозвище	прозвать
молитва	молиться
раздевалка	раздеваться
забегаловка	забегать
обжора	обожрать
размазня	размазать
выскачка	выскочить

творец	творить
выразитель	выразить
создатель	создать
обитатель	обитать
режиссер	режиссировать
контролер	контролировать
гример	гримировать
гастролер	гастролировать
водитель	водить
добытчик	добыть
летчик	летать
переводчик	переводить
корректор	корректировать
оператор	оперировать
администратор	администрировать
защитник	защищать
работник	работать
участник	участвовать
подранок	подранить
подросток	подрасти
прислуга Ø	прислужить
желез	жить
владелец	владеть
продавец	продавать
командир	командовать
певец	петь
ученик	учить
драчун	драться
дрессировщик	дрессировать
беженец	бежать
судья	судить
стойка	стоять
прокладка	прокласть
обложка	обложить
мойка	мыть
гудок	гудеть
звонок	звонить
вешалка	вешать
мялка	мять
морозилка	морозить
погремушка	погремьть
игрушка	играть
сиденье	сидеть
мыло	мыть

бритва	брить
холодильник	холодить
подносØ	подносить
украшение	украсит
мельница	молоть
накидка	накидывать
приглашение	пригласить
объявление	объявить
заявление	заявить
справка	справиться
записка	записать
прописка	прописать
помещение	поместить
имение	иметь
строение	строить
остановка	остановить
постройка	построить
купальня	купать
спальня	спать
редакция	редактировать
организация	организовать
изда(тель)ство	издать
отметка	отметить
ошибка	ошибиться
перегородка	перегородить
привычка	привыкать
кладка	класть
завивка	завивать
вырезка	вырезать
улыбка	улыбаться
сделка	сделать
шутка	шутить
поговорка	поговорить
насмешка	насмехаться
сборØ	собрать
связь Ø	связать
выводØ	выводить
наряд Ø	нарядить
постель Ø	постелить
переплет Ø	переплетать
перелом Ø	переломить
отекØ	отекаль
брызгиØ	брызгать
вкладØ	вкладывать

ограда	оградить
рассказ	рассказать
слышимость	слышать
настроение	настроить
недоста(т)ок	недоставать
оттенок	оттенить
обломок	обломать
обрывок	обрывать
осадок	осадить
остаток	остаться
подарок	подарить
корреспонд(ен)ция	корреспондировать
информация	информировать
делегация	делегировать
интонация	интонировать
население	населять
основание	основать
преступление	преступить
сбережение	сберегать
перекладина	перекласть
вмятина	вмятый
царапина	царапать
доказа(тель)ство	доказать
устройство	устроить
начало	начать
добыча	добыть
рисунок	рисовать
показатель	показать
письмо	писать
успех	успеть
рубец	рубить
песня	петь
обувь	обуть
одежда	одеть
закуска	закусить
еда	есть
варенье	варить
питье	пить
выпитое	суб.
заседатель	заседать
зритель	зреть
исполнитель	исполнить
любитель	любить
мечтатель	мечтать

осветитель	осветить
писатель	писать
покупатель	покупать
правитель	править
представитель	представлять
путеводитель	путеводить
родитель	родить
спасатель	спасать
учитель	учить

Приложение №4

Производные имена существительные, их производящие слова и переводы производных имен существительных с турецкого языка на русский, представленные в рассказе М. Буйрукчу «Yüzün Yarısı Gese»
(Темная половина лица)

производные имена существительные	производящие слова	переводы производных имен существительных
abartma	abartmak	преувеличение
açmamasını	açmak	открывание
aldatmaya	aldatmak	обман
anlatmaya	anlatmak	объяснение
atılmasın	atılmak	бросание
azarlamasına	azarlamak	упрек
bağışlama	bağışlamak	прощение
bastırmaya	bastırmak	заглушение
çalışma	çalışmak	труд
dolaşmaya	dolaşmak	брожение
doğmasını	doğmak	рождение
duymayı	duymak	слух
fıkırdaması	fıkırdamak	кокетство
iftira atmaya	iftira atmak	возведение клеветы
kandırmaya	kandırmak	обольщение
karartmasıyla	karartmak	затемнение
karşılammaya	karşılamak	встреча
katlamanın	katlamak	складывание
kıpırdayamamam	kıpırdamak	шевеление
kopma	kopmak	обрывочность
konuşmalarla	konuşmak	разговор
koşmaya	koşmak	бег
koşuşmalar	koşuşmak	сбегание
kovmasını	kovmak	гон
kurtulmayı	kurtulmak	спасение
oturmalarını	oturmak	сидение
sallanmaya	sallanmak	шатание
sarmasının	sarmak	обвязывание
sokulmasına	sokulmak	проникание
sorulmamasını	sorulmak	спрос
suçlama	suçlamak	обвинение
tamamlanmasını	tamamlanmak	дополнение
uğramasını	uğramak	заход
utanmayı	utanmak	стыд

var ol ma sını	var olmak	существование
vur ma sın	vurmak	удар
yuvarla ma sını	yuvarlamak	качение
yo zlaşma nın	yo zlaş mak	деградация
belirt me leri	belirtmek	показывание
böğür me si	böğürmek	мычание
çiğn me den	çiğnemek	жевание
çöz me ye	çözmek	решение
çürü me ye	çürümek	гниение
dağıl ma sın	dağılmak	распад
dans et me ye	dans etmek	танец
de me sini	demek	говорение
evlen me nin	evlenmek	женитьба
geç me sinden	geçmek	переход
gel me sini	gelmek	приход
gezin me ye	gezinmek	гулянье
girm es ine	girmek	вхождение
git me lerini	gitmek	уход
göster me meye	göstermek	показывание
gül me sinin	gülmek	смех
gülümse me leriyle	gülümsemek	улыбка
isten me mesini	istenmek	требование
öldür me ye	öldürmek	убийство
ö vm eleri	övmek	хвастовство
sövüş me ler	sövüşmek	ругательство
söyle me ye	söylemek	пение
süz me ye	süzmek	цежение
üzül me sini	üzülmek	огорчение
yellen me sine	yellenmek	обмахивание
yem en ize	yemek	питание
yitir me den	yitirmek	потеря
zehirlen me yi	zehirlenmek	отравление
ak an	akmak	текущий
andır an	andırmak	похожий
anlat an	anlatmak	объясняющий
at an	atmak	бросающий
aray an	aramak	ищущий
ayarlay an	ayarlamak	регулирующий
aydınlan an	aydınlanmak	освещающийся
bak an	bakmak	смотрящий
başaramay an ları	başarmak	выполняющий
başlay an	başlamak	начинающий
boşal an	boşalmak	очищающий
buru ştur an	buru ştur mak	морщащийся

çağrıştıran	çağrıştırmak	отозвавшийся
çalan	çalmak	крадущий
çalışan	çalışmak	работающий
çıkan	çıkmaq	выходящий
çıkartan	çıkartmak	вытаскивавший
çoğalan	çoğalmak	увеличивающий
dadanan	dadanmak	пристращающийся
dağılan	dağılmak	разваливаемый
dayanamayan	dayanmak	терпящий
dışarıya atan	dışarı atmak	выбрасывающий
dışlayan	dışlamak	не допускающий
dokunmayan	dokunmak	касающийся
dolayan	dolamak	обматывающий
duyuran	duyurmak	оповещающий
fırlayan	fırlamak	выскакивающий
hışırdayan	hışırdamak	шуршащий
ısıtmayan	ısıtmak	нагревающий
kalan	kalmak	остающийся
kısalan	kısalmaq	сокращающийся
kırılan	kırılmak	разбитый
kızaran	kızarmak	краснеющий
kollayan	kollamak	выжидающий
korunan	korunmak	защищающий
kovalayan	kovalamak	гоняющийся
kuran	kurmak	строивший
kurcalayan	kurcalamak	ковыряющий
kusan	kusmak	блюющий
oluşan	oluşmak	возникающий
oturanlardan	oturmak	сидящий
oynayanlar	oynamak	играющий
paniğe kapılan	paniğe kapılmak	впадающий в панику
saplanan	saplanmak	вонзающий
sarkan	sarmak	свешивающийся
sarkıtılan	sarkıtılmak	спускающий
sarhoşlayan	sarhoşlamak	пьянеющий
sarsan	sarsmak	трясущий
satılmayan	satılmak	проданный
sıkıştıran	sıkıştırmak	сжимающий
sunan	sunmak	направляющий
şaşıran	şaşırmak	путающий
şaşırtan	şaşırtmak	ошеломляющий
sıçrayan	sıçramak	прыгающий
tırmanan	tırmanmak	влезавший
tomurcuklanan	tomurcuklanmak	набухающий

uğrayan	uğramak	испытывающий
uyuklayan	uyuklamak	дремлющий
uzaklaştıran	uzaklaştırmak	удаляющийся
uzayan	uzamak	удлиняющий
yakaran	yakarmak	просящийся
yanan	yanmak	горящий
yapan	yapmak	делающий
yapılanları	yapılmak	делающийся
yaralayan	yaralamak	ранящий
aran	yarmak	рассекающий
yazılanlar	yazılmak	написанный
beliren	belirmek	показывающийся
bekleyen	beklemek	ждуший
benzeyen	benzemek	похожий
bilen	bilmek	знающий
bilinen	bilinmek	узнаваемый
bölünen	bölünmek	поделенный
can çekişen	can çekişmek	агонизирующий
çeken	çekmek	переносящий
çiğneyen	çiğnemek	жующий
çöken	çökmek	оседающий
çömelen	çömelmek	приседающий на
deliren	delirmek	корточки
devleşen	devleşmek	сходящий с ума
deviren	devirmek	становящийся большим
diyen	demek	валящийся
dökülen	dökülmek	говорящий
düşen	düşmek	выливающийся
etkilenen	etkilenmek	падающий
farketmeyen	fark etmek	подвергшийся влиянию
geçen	geçmek	замечающий
gelen	gelmek	переходивший
getiren	getirmek	приходящий
getirilen	getirilmek	приносящий
gezenler	gezinmek	принесённый
giden	gitmek	гуляющий
giren	girmek	уходящий
gizlenen	gizlenmek	входящий
görülme	görülmek	скрытый
görünme	görünmek	виднеющийся
götüren	götürmek	показывающий
inen	inmek	приводящий
irkilten	irkiltmek	спускающий
		вздрагнувший

kemiren	kemirmek	грызущийся
kesen	kesmek	режущий
kesilen	kesilmek	резанный
kurban giden	kurban gitmek	павший жертвой
küçülen	küçülmek	уменьшающийся
seslenen	seslenmek	зовущий
seven	sevmek	любящий
sevilen	sevmek	любимый
sevinen	sevinmek	радующийся
sevişen	sevişmek	совокупляющийся
sezdiren	sezdirmek	ощущаемый
sezen	sezmek	ощущающий
sinen	sinmek	проникающий
söndüren	söndürmek	гаснущий
süren	sürmek	продолжающийся
sürülen	sürülmek	гонимый
sürünen	sürünmek	прозябающий
terkedilen	terk edilmek	брошенный
veren	vermek	дающий
yeltenenleri	yeltenmek	берущийся за
		непосильную работу
yiyen	yemek	едящий
yükselen	yükselmek	возвысившийся
aldıkları	almak	взятый
aşırdığı	aşırmak	украденный
bastırdığı	bastırmak	подавленный
boyadığı	boyamak	крашеный
daldığı	dalmak	нырнувший
gebe	gebe kalmak	забеременевший
hoşlandıkları	hoşlanmak	понравившийся
kaçırdıktan	kaçırmak	умыкнутый
kırdığı	kırmak	ломанный
kıstırdığı	kıstırmak	загнанный
kopardığı	koparmak	оторванный
kullandıkları	kullanmak	употребленный
sakladığını	saklamak	береженный
sığamadığını	sığmak	вмещающий
sardığı	sarmak	окруженный
satamadığı	satmak	проданный
sıkıldığı	sıkılmak	скучавший
sıkıştırdığı	sıkıştırmak	втиснутый
tanıdığını	tanımak	признанный
tanımadığı	tanımak	узнанный
uğradığı	uğramak	зашедший

yadsı dığı	yadsımak	отрицавший
yakala dıkları	yakalamak	схваченный
yapıl dığı nı	yapılmak	деланный
yazdır dığı	yazdırmak	написанный
zorla dıkları	zorlamak	принужденный
besle diğim	beslemek	кормленный
bildik leri	bilmek	знавший
benimsedik leri	benimsemek	освоенный
çiz diği	çizmek	рисованный
erid ğini	erimek	таятый
güven diğim	güvenmek	доверенный
getird diği	getirmek	принесенный
geld diği	gelmek	пришедший
gird ğini	girmek	вошедший
güçlen diğini	güçlenmek	усиленный
hüzünlen diği	hüzünlenmek	грустивший
igren diği	igrenmek	брезгованный
isted diği	istemek	желаемый
işittiremed diği	işittirmek	слышимый
nitelendirdik leri	nitelendirmek	характеризованный
öğütled igi	öğütlemek	советуемый
ser diği	sermek	развешенный
sergiled diği	sergilemek	демонстрируемый
söyle diği	söylemek	сказанный
üfle diği	üflemek	задуванный
verdik leri	vermek	данный
yemedik lerinizi	yemek	кушанный
yönel diğini	yönelmek	направленный
bulduk larını	bulmak	нахоженный
durduk ları	durmak	остановленный
doldurduk ları	doldurmak	наполненный
kurduk ları	kurmak	построенный
oldu ğunu	olmak	совершенный
oturdu ğu	oturmak	сиденный
savurdu ğu	savurmak	сеянный
saygı duydu ğu	saygı duymak уважать	уважаемый
çürüdü ğünü	çürümek гнить	гнивший
düşündük lerinden	düşünmek	мысленный
düşürdü ğü	düşürmek	уронивший
gördü ğüm	görmek	виденный
öldürdü ğün	öldürmek	убитый
övündü ğünü	övünmek	гордивший
att ığı	atmak	брошенный
aydınlat tığı	aydınlatmak	освещенный

bıraktığı çarptığı kaçtığı kaynatdığı kuşattığını taktığı uzaklaştığında yaktıkları yuva yaptığı yarattıkları yaptıkları benzettikleri işittikleri kirlettiği reddettiği yemin ettikleri unuttuğu söktükleri açlığın ağırlığı ahlaksızlığına aptallığını aralık aşâğılık babalığım balıkçılık bataklığa cambazlık çalılık hastalık hayranlıkla hırsızlık idamlıklar lağımcılık karşılığında kıpırtısızlığa kışlık kızgınlıktan ormanlık ortalıktan parlaklığa pişmanlık sandalcılık	bırakmak çarpmak kaçmak kaynatmak kuşatmak takmak uzaklaşmak yakmak yuva yapmak yaratmak yapmak benzetmek işitmek kirletmek reddetmek yemin etmek unutmak sökmek aç ağır ahlak aptal ara aşâğı baba balıkçı bataklık cambaz çalı hasta hayran hırsız idam lağımcı karşı kıpırtısız kış kızgın orman orta parlak pişman sandalcı	брошенный натолканный убегающий кипяченный опоясанный навешанный удаленный сожженный свивший гнездо созданный деланный обознавшийся слышанный загрязненный отказанный клятый забытый вырванный голод тяжесть безнравственность глупость расстояние низкое положение отчим рыбный промысел болотистое место акробатика кустарники болезнь фанатизм воровство приговорённый смертной казни ассенизаторство соответствие неподвижное положение зимний раскалённость лесистая местность окружающая местность блеск раскаяние работа лодочника
---	---	--

к

sıcak lık tan	sıcak	жара
siyah lığı	siyah	чернота
ustab ık la	usta	мастерство
yalnız lığı n	yalnız	одиночество
yaz lık	yaz	летний
alkoliklerden	alkol	алкоголик
asker lik	asker	военная служба
artist lik	artist	группа артистов
ben liği yle	ben	свойство
berber lik	berber	парикмахерство
biletç iliği	biletçi	кондукторство
çirkin lik lerin	çirkin	некрасивость
çimen liği e	çimen	травяное место
derin lik lerine	derin	глубина
düzensiz liği n	düzensiz	беспорядочность
egemen liği	egemen	суверенитет
esmer liği e	esmer	смуглость
eşit lik	eşit	равенство
evli liği ne	evli	семейное положение
gelin lik	gelin	свадебное платье
güven liği	güven	безопасность
güzell ik ler	güzel	красота
iyi lik	iyi	благополучие
kiş ilik lere	kişi	человечность
muhbir lik	muhbir	осведомительная работа
pis liği ne	pis	грязь
saniye liği ne	saniye	секундный
şirret liği yle	şirret	неуживчивость
tedirgin liği	tedirgin	беспокойство
terzi liği	terzi	портняжничество
zengin liği ni	zengin	богатство
boş luk larla	boş	пустота
donuk luğu	donuk	тусклость
durgun luğu	durgun	затишье
hoş luğu a	hoş	приятность
kopuk luk lar	kopuk	обрыв
mutlu luk	mutlu	счастье
sarhoş luğu a	sarhoş	пьянство
sonsuz luğu a	sonsuz	бесконечность
suçlu luk	suçlu	виновность
tiyatroc uluk	tiyatroc	артисты театра
uğursuz luk ların	uğursuz	дурное
düşük lüğü nün	düşük	предзнаменование
		падение

düz lük ler	düz	ровное место
güç lük le	güç	трудность
yüzsüz lük	yüzsüz	бесстыдство
acı lı	acı	горестный
anlam lı	anlam	значимый
cüzam lı ymış	cüzam	прокажённый
çakıl lı	çakıl	галечный
esrar lı	esrar	таинственный
esrar lı	esrar	гашишевый
hak lı	hak	правый
hız lı	hız	быстрый
kağıt lı	kağıt	с бумагой
kapalı	kapamak	закрытый
kath ı	kat	этажный
katran lı	katran	просмолённый
kıl lı	kıl	покрытый волосами
odal ı	oda	имеющий какую-л. комнату
sayı lı	sayı	считанный
soğan lı	soğan	луковый
şans lı	şans	удачливый
şarıltı lı	şarıltı	журчащий
taraça lı	taraça	террасовый
tulumba lı	tulumba	насосовый
veba lı ymış	veba	чумной
biber li	biber	приправленный перцем
çizg ili	çizgi	в линейку, линованный
dill ı	dil	речистый
domates li	domates	приправленный томатами
et li	et	мясной
erinç li	erinç	благополучный
etk ili	etki	влиятельный
giz li	giz	секретный
ilgil il ere	ilgi	имеющий отношение
inilt ili	inilti	стонущий
kir li	kir	грязный
pencer eli	pencere	оконный
rahmet li	rahmet	усопший
sidik li	sidik	тот, который мочится под себя
süre li	süre	периодический
şiddet li	şiddet	сильный
yürekb li	yürek	смелый

zevkli	zevk	с хорошим вкусом
balkonlu	balkon	балконный
kuyulu	kuyu	колодезный
onurlu	onur	самолюбивый
uçurumlu	uçurum	с пропастью
uğurlu	uğur	счастливый
uyumlu	uyum	гармоничный
büyülü	büyü	околдованный
gönüllü	gönül	доброволец
ömürlü	ömür	долгожитель
anlayamamış	anlamak	понявший
darılmış	darılmak	обидевший
kırılmış	kırılmak	разбившийся
kışkırtılmış	kışkırtılmak	провоцируемый
sıkıştırılmış	sıkıştırılmak	жатый
yakalamış	yakalamak	схвативший
yoğunlaştırılmış	yoğunlaştırmak	конденсированный
birikmiş	birikmek	скопленный
dikilmiş	dikilmek	поставленный
geçmiş	geçmek	прошедший
indirilmiş	indirilmek	спущенный
peltekleşmiş	peltekleşmek	говоривший с трудом
sezmişim	sezmek	ощутивший
görmüş	görmek	видевший
boşaltacak	boşaltmak	освобождать
kalacağımız	kalmak	проживать
karşılaşacağım	karşılaşmak	встречать
kesip atacak	kesip atmak	отрезать
kuracaklarına	kurmak	строить
olacağını	olmak	быть
yapacağını	yapmak	делать
yatacakları	yatmak	лежать
yolu tutacağını	yol tutmak	
evleneceği	evlenmek	
geçindirecek	geçindirmek	
götüreceğin	götürmek	
sevişeceklerini	sevişmek	
üreyecek	üremek	
dolandırıcı	dolandırmak	
havacı	hava	пилот
kaçakçı	kaçak	контрабандист
kalaycılar	kalay	лудильщик
kurtarıcı	kurtarmak	освободитель
yaratıcısı	yaratmak	созидатель

kumcular	kum	торговец песком
satıcı	satmak	продавец
soyguncu	soygun	грабитель
yolcu	yol	путник
ispirotculardan	ispiroto	употребляющий спирт
dilencilerin	dilenmek	попрошайка
gemici	gemi	судовладелец
göstericisi	göstermek	показатель
sahici	sahi	верный
kışkırtıcı	kışkırtmak	подстрекающий
batıcı	batmak	тонущий
sinirlendirici	sinirlendirmek	нервничающий
balıkçılara	balık	рыбак
emekçiler	emek	труженик
işçilerinden	iş	рабочий
barbutçular	barbut- это игра.	играющий barbut.
ansızın	an	внезапно
dalgasız	dalga	без волны
damarsız	damar	не имеющий жилки
insafsız	insaf	бессовестный
kafasızım	kafa	безмозглый
kararsız	karar	нерешительный
kılçıksız	kılçık	не имеющий костей
tanımsız	tanım	без описания
vicdansız	vicdan	бессовестный
kimsesiziz	kimse	одиноким
isteksiz	istek	не имеющий желания
uğursuzun	uğur	невезущий
huysuz	huy	вздорный
susuz	su	безводный
namussuzlar	namus	бесчестный
sütsüz	süt	подлый
bakışı	bakmak	взгляд
davranışlarını	davranmak	поступок
yalvarışları	yalvarmak	мольба
iç çekişlerini	iç çekmek	вздохание
oluşunu	oluşmak	возникновение
gülüşü	gülmek	смех
yürüyüşü	yürümek	ходьба
akıntısına	akmak	течение
raslantıların	raslamak	случай
sarsıntısıyla	sarsmak	сотрясение
sıkıntıyla	sıkmak	томление
ruhsal	ruh	духовный

dairesel	daire	кругообразный
düşsel	düş	сновидение
dışarıdakilerin	dışarıda	тот, который
		вне чего-л.
içeridekilerindi	içeride	тот, который
		внутри чего-л.
kucağındakileri	kucağında	тот, который на руках у
		кого-нибудь
ötekileri	öte	другой
günkü	gün	обыденный
korkutmacalarıyla	korkutmak	запугивание
düşüncelerden	düşünmek	мысль
sessizce	sessiz	бесшумно
yangın	yanmak	пожар
yorgun	yormak	усталый
sevinciyle	sevinmek	радость
utançla	utanmak	стыд
bulaşıkları	bulaşmak	грязная посуда
çatlaklar	çatlamak	трещина
değişik	değişmek	изменённый
istekleri	istemek	желание
yarık	yarmak	расщелина
yatağa	yatmak	постель
söylentiler	söylenmek	пересуды
görüntüleri	görünmek	видение
başarının	başarmak	успех
saldırılarından	saldırmak	нападение
yapılara	yapmak	строение
kanıları	kanmak	убеждение
kokularla	kokmak	запах
korkusuyla	korkmak	боязнь
ölü	ölmek	мертвец
anlam	anlamak	понятие
izlenimleri	izlemek	впечатление
sorunları	sormak	проблема
üretim	üretmek	производство
yaşamını	yaşamak	жизнь
kaynar	kaynamak	кипящий
yanar	yanmak	горючий
benzemeyen	benzemek	похожий
duygular	duymak	чувство
sergi	sermek	выставка
olayların	olmak	событие
giysi	giymek	одежда

umudunu	ummak	надежда
coşkusunu	coşmak	воодушевление
esrarkeşleri	esrar	наркоман
deli+kanlılara	слож.	юноша
göz+kapaklarının	слож.	веко
kaba+dayılar	слож.	смельчак
kayın+baba	слож.	тесть
kavun+içi	слож.	тёмно-жёлтый
yüz+baş-ı	слож.	капитан
ahır+kapı	слож.	название места
ak+saray	слож.	название места
bakır+köy	слож.	название места
hisar+dibi	слож.	название места
kum+kapı	слож.	название места
sarı+kaya	слож.	название места
yeni+kapı	слож.	название места

Рецензия

на диссертацию на соискание степени магистра филологии
по специальности 1-21 80 11 Языкознание

Гюрсой Ясемин

на тему «Русская и турецкая словообразовательные системы в сопоставительном аспекте (на материале функционирования производных имен существительных в рассказах В.Токаревой и М.Буйрукчу)»

Исследованию вопросов словообразования в современной лингвистике посвящено достаточно большое количество работ. Существует несколько различных направлений исследований, среди которых в настоящее время выделяется функционально-коммуникативный аспект словообразования ввиду его особой практической направленности. В рамках указанного направления возникает необходимость в исследовании словообразовательных механизмов в текстах художественных произведений, благодаря чему появляется возможность обнаружить закономерности, взаимосвязи и взаимовлияние словообразования и текста, его синтаксиса и семантики, а также индивидуальных, специфических для конкретных авторов художественных произведений способов выражения смысла и характера произведения на лексическом уровне. В данном контексте очевидной становится актуальность представленной магистерской диссертации, в которой проблемы словообразования рассматриваются и объясняются на основе текстов. Автором работы анализируются стилистические особенности словообразования и текстообразующие функции производных слов в рассказах В.Токаревой и М.Буйрукчу, благодаря чему удастся осуществить комплексный анализ функционирования и восприятия производных слов в текстах русского и турецкого языков. Данное обстоятельство определяет научную новизну представленной работы.

Структурно диссертация разбита на введение, 3 главы и заключение, а также включает 4 приложения.

Во введении автор дает обоснование актуальности, обозначает научную значимость, формулирует цель и задачи работы, определяет объект и предмет исследований.

Первая глава диссертации посвящена теоретическому обзору словообразовательных систем русского и турецкого языков. Автор анализирует достаточно большое количество библиографических источников, посвященных различным аспектам исследований русской и турецкой словообразовательных систем. Здесь же описана система аффиксов турецкого языка.

Во второй главе представлен анализ словообразовательной русской и турецкой лексики, выбранной из рассказов В.Токаревой и М.Буйрукчу. Выполнена тщательная структурно-семантическая классификация отобранной лексики, а также приведены количественные показатели, отражающие частотность тех или иных способов словообразования в текстах, частоту использования определенных аффиксов, а также процентное соотношение эмоционально и стилистически окрашенных лексических единиц по отношению к общему лексическому составу изученных художественных произведений.

Глава 3 посвящена исследованию текстообразующей функции производной лексики в рассмотренных автором рассказах, описаны синтагматические и

парадигматические связи слов в текстах, проиллюстрированные примерами словоупотреблений с подробными комментариями.

Однако работа не лишена некоторых недостатков:

- Введение к работе перенасыщено теоретическим материалом, который более уместно было бы поместить в главу 1.
- В работе отсутствует достаточное обоснование целесообразности проведения сопоставительного анализа русской и турецкой словообразовательных систем именно на примерах рассмотренных художественных произведений, а не каких-либо других.
- В приложениях, в таблицах производных имен существительных, автором перечислены не все обнаруженные в проанализированных художественных произведениях слова, хотя при этом указано их общее количество для каждой группы.

Несмотря на указанные замечания, в целом работа выполнена на высоком профессиональном уровне и соответствует требованиям ВАК к оформлению работ данного типа. Из текста работы видно, что соискатель выполнила работу полностью самостоятельно, очень тщательно и кропотливо проработала практически все нюансы. Следует также отметить высокий уровень владения русским языком соискателя.

Особой заслугой работы является ее высокая практическая значимость, благодаря чему из нее логично вытекают дальнейшие не менее актуальные перспективы развития. Так, приведенные в работе таблицы производных имен существительных могут быть взяты за основу создания соответствующих учебно-методических материалов по русскому языку как иностранному (в том числе, ориентированные на носителей турецкого языка), а примеры словоупотреблений из проанализированных текстов являются хорошей базой для разработки комплекса упражнений на усвоение русской словообразовательной системы. И наоборот, для русскоговорящих студентов, начинающих изучать словообразование турецкого языка, большим подспорьем могут явиться приведенные в диссертации таблицы производных существительных и производящих их слов с турецко-русским переводом, а также соответствующие примеры из текстов.

Качество выполненной работы свидетельствует в пользу высокого научного потенциала соискателя, которая продемонстрировала способности к самостоятельной научно-исследовательской работе.

Учитывая все вышесказанное, представленная магистерская диссертация, при условии ее успешной защиты в Государственной экзаменационной комиссии, заслуживает оценки 10 (десять), а соискатель Гюрсой Ясемин – присвоения степени магистра филологии по специальности 1-21 80 11 Языкознание.

Рецензент,
доцент кафедры прикладной лингвистики БГУ,
к. т. н., доцент

О.Е.Елисеева

Отзыв

о магистерской диссертации магистрантки 2-го года обучения специальности «Языкознание» Гюрсой Ясемин на тему: «Русская и турецкая словообразовательные системы в сопоставительном аспекте (на материале функционирования производных имен существительных в рассказах В.Токаревой и М.Буйрукчу)»

Актуальность заявленной темы дипломной работы обусловлена необходимостью разработки нового, культурологического подхода в обучении иностранных учащихся с учетом социо- и лингвокультурных сред как важнейших составляющих процесса обучения иностранному языку. Во многих языках мира производные слова образуют существенную часть словарного запаса, причем наиболее изменчивую, гибкую, подвижную, обладающую рядом специфических свойств. В словообразовательном аспекте производное слово исследуется в направлении от производного к производящему, при этом выявляется словообразовательная модель (тип, схема), по которой образовано слово, устанавливается способ его образования, регулярность модели. Психолингвистический аспект в словообразовании связан с попытками анализа проблем образования и функционирования производных слов. В рамках данного подхода производное слово рассматривается как разновидность коммуникативной номинации.

Множество работ, появившихся в лингвистике в последние годы посвящены проблеме словообразования и текста и связаны с коммуникативной направленностью при исследовании производных слов, что подтверждает тот факт, что тема этой диссертации актуальна. Но при наличии теоретических работ, практически отсутствуют исследования, которые показывали бы взаимосвязь и взаимовлияние словообразования и текста на примере конкретных художественных произведений. Каковы закономерности использования автором производных слов при построении индивидуально-художественной реальности? Как текст художественного произведения актуализирует различные стороны производного слова? Эти вопросы современной лингвистики требуют разрешения, и ответы на них могут дать лишь исследования текстов конкретных авторов. Этим и определяется актуальность и новизна исследования Гюрсой Ясемин, которая исследовала производные существительные в сопоставительном аспекте (в русском языке на примере рассказов В.С. Токаревой и в турецком языке на примере рассказа М.Буйрукчу)

Гюрсой Ясемин хорошо справилась с задачами, поставленными во Введении, реализовала различные методы исследования в трех главах диссертационного исследования, проанализировала все способы словообразования при рассмотрении производных слов в рассказах В.С. Токаревой и в рассказе М. Буйрукчу. Исследовала и проанализировала наиболее продуктивные модели образования производных существительных в рассказах обоих писателей. Материал исследования зафиксирован в 4-х приложениях, и его можно будет использовать при преподавании РКИ.

Магистрантка принимала участие в научных конференциях и делала доклады по теме своей диссертации.

Изложенное выше дает право считать, что магистерская диссертация Гюрсой Ясемин на тему «Русская и турецкая словообразовательные системы в сопоставительном аспекте (на материале функционирования производных имен существительных в рассказах В. Токаревой и М. Буйрукчу)» соответствует всем требованиям, предъявляемым к такого рода исследованиям, и может быть рекомендована для защиты в Государственной экзаменационной комиссии, а ее автору присвоена соответствующая квалификация.

Научный руководитель
кандидат филологических наук, доцент
кафедры прикладной лингвистики

 А.И. Головня